

Унконай Аенамоё

Уар Ынепёг, гба Назаг

Николай Асламов

Шаг вперёд, два назад

«Издательские решения»

Асламов Н.

Шаг вперёд, два назад / Н. Асламов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856282-2

Смерть ходит по дорогам Европы. Закутанный в саван, с барабаном на плече, Костлявый забирает смертных одного за другим. Ему нельзя помешать. Он не знает жалости и никогда не допускает осечек. Лишь однажды Смерть промахнулся, и бродячий флейтист Вальтер задержался в этом мире. В мире, где на каждом шагу оживают страшные сказки и жуткие легенды. В мире, где незнакомый человек опаснее ужасов ночи. В мире, потерявшем Бога.

ISBN 978-5-44-856282-2

© Асламов Н.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
История первая. Вальпургиева ночь	9
История вторая. Ради Неё	27
История третья. Братья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Шаг вперёд, два назад

Николай Асламов

*«Скажу ли: «может быть, тьма скроет меня, и свет вокруг меня
сделается ночью»;*

*но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма,
так и свет»*

Псалом 138:11—12

Редактор Мария Рогова

Иллюстратор Юрий Сосницкий

© Николай Асламов, 2017

© Юрий Сосницкий, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-6282-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Вальтер шел на запад, а незнакомец следовал за ним. Глухой звук его шагов, сопровождавшийся каким-то трескучим стуком, раздавался совсем рядом, буквально за спиной. Очень хотелось оглянуться и посмотреть, кто за ним идет, но смысла в этом не было никакого.

Тук-тук-тук – утоптанная земля. Шаг вперед.

Не сказать, чтобы Вальтер был против попутчика. На дороге из ниоткуда в никуда вдвоем лучше, чем одному. Но каждый человек привык идти по ней в одиночку. Вальтер тоже привык. Но от попутчика он бы не отказался.

Вальтер был уверен, что человек, идущий позади, откуда-то его знает или имеет к нему интерес. Давно присматривается к нему, наблюдает за чем-то, лишь одному ему ведомым, ждет особого знака, яркого случая, подходящего повода, чтобы сказать или сделать нечто такое, что перевернет его, Вальтера, жизнь. На взгляд Вальтера, ждать было нечего: знака он не увидит, яркость случая оценить не сумеет, а что считать подходящим поводом для изменений, Вальтер и вовсе не знал. Да и менять, по большому счету, было нечего.

Тук-тук-тук – утоптанная земля. Шаг вперед.

Чтобы менять, надо что-то иметь, а у Вальтера ничего на обмен не было. Дорожная палка, истрепавшаяся повязка на глазах, лохмотья, немного воды и простая, но бесценная флейта, запрятанная в складки одежды и отполированная тысячами прикосновений пальцев и сотнями поцелуев – его мечта, его спутница, его невеста. Вот и все богатство бродячего музыканта, играющего где угодно, лишь бы покормили.

Тук-тук-тук – утоптанная земля. Шаг вперед.

Простукивание дороги отнимало много времени, но спешить было некуда. Вальтера никуда не звали, нигде не ждали, а при встрече чаще всего прогоняли взашей. Торопиться к новым тычкам и побоям, являть миру самое сокровенное, чтобы услышать в ответ проклятия или злорадный смех – этого ли жаждет душа человеческая? Потерять направление или споткнуться – вот главные проблемы сегодняшнего дня. И вчерашнего. И завтрашнего тоже.

Незнакомец все так же уверенно шагал позади, не пытаясь обогнать музыканта. Вальтер по-прежнему слышал топот и тихое ритмичное постукивание.

Шурх-шурх-шурх – трава. Два шага назад.

Попутчик внезапно оказался прямо за спиной, и Вальтер, почувствовав толчок, от неожиданности уронил посох. Сам упал следом на колени, пытаясь нашарить палку в придорожной пыли, залепетал извинения, ожидая пинка или удара по голове, но не дождался. Палку тоже не нашел. И удаляющихся шагов не услышал. Попутчик спокойно стоял рядом и чего-то ждал. Видимо, какого-то другого знака, случая или повода.

– Почтенный господин, не позволите ли взяться за край вашей одежды или за плечо? – заискивающе попросил Вальтер и, ни на что толком не надеясь, добавил, пытаясь вытереть пыльные руки о лохмотья: – До постоянного двора, не дальше!

– Гораздо ближе, – ответил незнакомец довольно громким, но скрипучим и резким, как наждак, голосом и решительно положил ладонь Вальтера себе на плечо. Хватка тонких и длинных пальцев была сухой и очень жесткой. Еще бы чуть-чуть, и попутчик сломал бы ему руку, а тогда все – голодная смерть в ближайшей канаве.

Незнакомец повлек его куда-то направо. Видимо, дорога делала здесь лихую петлю, вот Вальтер и сбился с пути.

Попутчик был очень высоким, чуть не на голову выше музыканта, и кошмарно худым. Под одеждой, сильно поношенной, музыкант явственно ощущал выпирающие плечевые кости.

– Прости, добрый господин, но ты слишком мало ешь для своего роста.

– Голод – мой вечный спутник, – ответил незнакомец, несколько не обидевшись на замечание.

Ну, голодный или не голодный, а слабым новый попутчик точно не был. Спину держал прямо, шагал бодро. Музыкант чувствовал, что странник специально придерживает шаг, чтобы ему, Вальтеру, было легче, но все равно не поспевал за его широкой и уверенной поступью. Трескучий деревянный стук теперь слышалось очень отчетливо.

– Господин, а ты, часом, не прокаженный? Прости, если обидел, но у тебя вроде как трещотка на одежде...

– Нет, сам я не болен, – тут же проскрипел незнакомец. – Хотя часто имею дело с больными.

Похоже, незнакомец не прочь был поболтать, так что очередной вопрос Вальтер задал гораздо увереннее:

– А в чем твое ремесло, почтенный господин?

– Мерить, – коротко бросил попутчик.

Не успел Вальтер задуматься над ответом, как шаги незнакомца начали выбивать частую гулкую дробь. Босые ступни Вальтера тут же ощутили старое, местами трухлявое дерево, а чуткое ухо выхватило из окружающего шума журчание ручья. Похоже, они вышли на какой-то мостик.

«Интересные у него башмаки, – внезапно подумал музыкант, – стучат необычно».

– Ты землемер? Или торговец тканями? А может, сборщик податей? Что ты измеряешь?

– Все существующее на земле, – заскрежетал незнакомец, сильно замедляя шаг. – Я проверяю прочность клятв, силу любви и глубину веры. Определяю, сколько правды во лжи. Ищу тех, кто готов постоять за правду. Я подхожу со своей меркой ко всем вещам, всем словам и всем мыслям, но всегда измеряю одно и то же – время, отпущенное человеку до танца.

Вальтер вдруг почувствовал себя очень нехорошо. Дыхание перехватило, лоб покрылся испариной, а нижние ребра будто тисками сдавило.

– Постой, добрый господин! – выкрикнул Вальтер, невольно уронив руки на живот и наклонившись от боли.

Шагов слышно не было. Дыхания попутчика тоже. Только веселое журчание воды, да копыта стучали где-то в отдалении.

– Разреши мне прикоснуться к твоему лицу! – попросил Вальтер, медленно поднимая дрожащие руки. Незнакомец тут же подставил свою голову к протянутым ладоням музыканта.

Стук копыт звучал все ближе.

Вальтер провел ладонями по острым, выпирающим скулам, высокому лбу, отметил про себя полное отсутствие волос и бровей, и вдруг случайно угодил пальцами в провалы, где должны были быть глаза. Костеня от страха, коснулся еще двух провалов поменьше в том месте, где у людей обычно располагается нос, и ощерившихся в вечной улыбке зубов...

– Сейчас ты тоже... измеряешь? – спросил музыкант, в ужасе отшатнувшись.

– Да, – ответил Смерть.

– Значит, все? – сжался флейтист. – Времени больше нет?

– Я и есть время, Вальтер. Кроме меня, в нем ничего нет.

Музыкант привычным движением проверил, не потерял ли он флейту, будто она еще могла зачем-нибудь понадобиться. Скачущий конь очень быстро приближался, а страшный попутчик все так же стоял неподвижно.

– Скажи, как это будет? – спросил Вальтер спустя пару бесконечно долгих вдохов и выдохов. – Я что-то почувствую?

– Обязательно, – подтвердил Смерть. – Одни кричат в ужасе, что я ошибся, другие вздыхают с облегчением, третьи радуются, но таких мало.

– А я? К какому сорту я принадлежу?

– Тебе решать, – скрипнул костями Смерть. – Я думаю, к тем, кто до самого конца не перестает вопрошать.

Копыта стучали все ближе. Перестук был очень частым и сливался в один звук, значит, конь был не один.

– Разве, стоя перед тобой, еще имеет смысл задавать вопросы? – прошептал музыкант, смиренно склонив голову в ожидании конца.

– Только так их и стоит задавать, Вальтер, – ответил Смерть, и в следующий миг вселенная потонула в грохоте копыт, истощном конском ржании и людских проклятиях.

История первая. Вальпургиева ночь

Боль была просто адская. Голова трещала так, будто в нее забили пару гвоздей, тело совершенно не слушалось, отзываясь на каждую попытку пошевелиться сотней впивающихся в кожу игл, а во рту прочно обосновался малоприятный металлический привкус. Правда, воплей других грешников и хохота чертей слышно не было, сковородки и котлы рядом не шкворчали и в бок вилами никто не тыкал. Вальтер решил, что он все-таки не в аду.

– Паскудные времена настали! – заявил рядом незнакомый мужской голос. – Очерствели люди нравом, оскотинились.

– Какие времена? Какие нравы? – ответил другой голос, тоже мужской и сильно похожий на первый тоном и выговором. – Семь тысяч лет прошло от Сотворения¹, а люди все те же: пакостят друг другу по мере сил и оправдывают себя то Божьим повелением, то законами природы, то силой денег, а то и вовсе тем, что слишком часто чешется левая пятка.

Разговору вторило глухое дребезжание и цоканье копыт. На рай тоже не похоже. Частые подпрыгивания на кочках вскоре убедили Вальтера, что он в телеге.

– А я тебе говорю, совсем ошалели люди! – продолжал возмущаться первый. – Раньше хоть разбирались, судили, а теперь чуть что – сразу за инквизитором бегут, в чертовщине друг друга обвиняют. Утопить, сжечь или живьем закопать – вот и все разбирательство! Вон, шурина моего свояк – кобелина знатный. Седой уже и плешивый, а все бес ему в ребро. Чем он там девок охмуряет, не знаю, может, денег дает, может, еще чего, но только не со всеми выходит. Вон, мельникова дочка возьми и тресни его скалкой. Через всю деревню гнала, лупцевала, хаяла его, на чем свет стоит. Хорошо, совсем не прибила. Повеселились все знатно! А этот только отлежался – шасть к отцам-дознавателям. Заявил, что дочка мельникова – колдунья и наслала на него мужское бессилие, а для подтверждения жену с собой прихватил. Такая карга, я тебе доложу, страх! На племенных быков бессилие нападет!

Второй собеседник задорно рассмеялся. Хохоту вторил веселый металлический перезвон.

– Конечно, не знала эта страхолюдина супружеских радостей, – продолжал первый, – о чем дознавателям и сообщила. Так она ведь их лет двадцать уже не знала! Отцы, конечно, для виду народ в деревне поспрашивали – ну, людишки и рассказали, что да, девка, мол, лупила колотушкой и проклинала вслух. Все, на следующее утро дочку мельника, обритуго, сожгли, а свояк шурина моего к другим бабам приставать начал.

Второй хохотал и звенел уже без остановки.

– Где это видано? Колдовство, видишь ли, всем мерещится! – не на шутку разошелся первый. – Неурожай – колдовство, урожай – колдовство, молоко скисло – колдовство, от гороха на музыку пробило – снова колдовство! Чихнуть лишний раз нельзя, вдруг сосед тебя в колдуны запишет. А мне-то как? Я с детства чихаю по два-три раза подряд, нос у меня такой!

От громкого визгливого смеха и веселого звяканья голову так ломило, что Вальтер невольно поморщился. Решив, что его отправили в чистилище, чтобы искупить грехи страданием, музыкант сделал попытку приподняться.

– Смотри-ка, господин чихающий колдун, очнулся наш счастливчик! А ты все – «сдохнет, не сдюжит»! – заверещал второй и опять зазвенел.

«Колокольчики на нем, что ли? Или бубенцы?»

– Да уж, парень, свезло тебе! – с кряхтеньем произнес первый.

¹ Разница между летоисчислением от Сотворения мира и от Рождества Христова – 5508 лет. Соответственно, как нетрудно догадаться, на дворе XVI век.

Вальтер наконец различил, что тот сидел немного подальше – видимо, лошадью правил, а второй, звеневший, – рядом с ним, в телеге.

– Кому я обязан? – с трудом выговорил музыкант. Язык слушался плохо, а остальное тело и вовсе отказывалось повиноваться.

– Мерину, который телегу тянет, – поспешил с ответом второй. – А еще достопочтенному бондарю, да сохранит Господь его бочки целыми, а живот – полным! Это он тебя погрузил в лихую колесницу, на которой, как говорят, воевал еще греческий царь Александр.

– Яном меня зовут. Не знаю, кто в моей телеге воевал, но кабы не дурак этот, бросил бы я тебя в том овраге, – простодушно заявил бондарь. – Подъезжаю, значит, к мосту, а он там уже роется, трупы обирает. Ладно, раз он нашел, первая доля, стало быть, его. Тут он и заявляет, что под конями еще кто-то есть, поднять надо. Напряглись, вытащили. Ты дышал едва-едва, а он тебя в нос лизнул, ухо свое к груди приложил и сказал, что жить будешь.

– Кстати, может, дадим что-нибудь живому? – вставил второй. – Как-никак, на его долю тоже причитается.

– Да уж, знатно он тому всаднику шею свернул! – хмыкнул бондарь. – Кинь ему сапоги. Мне не налезают, может, ему сгодятся?

На живот Вальтеру упал тяжелый сверток, пахший новенькой кожей. Музыкант резко отбросил его в сторону и, преодолевая нахлынувшую боль, попытался охлопать одежду в поисках флейты. Оказалась на месте.

– Так, давай-ка не залеживайся! – уже верещал над левым ухом второй, непрерывно звеневший колокольчиками. – Кровь к голове прилить может, и от удара помрешь раньше срока. Зря, что ли, вытаскивали тебя?

С помощью крепких рук, безжалостно тянувших вверх, музыканту удалось приподнять голову и положить ее на доставшиеся сапоги. Иголки тут же впились в шею и плечи, а в довершок к боли пришли сильное головокружение и тошнота. Уж лучше было помереть от кровавого удара, чем так мучиться!

– Ты шут? – спросил Вальтер, когда тьма перед глазами немного замедлила вращение.

– Владыка мира, – тут же ответил задорный голос. – А еще весельчак, балагур, озорник, зубоскал, шутник, фигляр, дурак, выдумщик, шалопай и вестник мимолетной радости!

– А зовут тебя как? – поинтересовался Вальтер.

– Да как только не зовут! – зазвенел шут в ответ. – И так, и сяк, и наперекосяк. Когда не зовут, сам прихожу. Ты можешь называть меня ваше Всешутейшее величество Йост Ирр-ганг.

– Я слышал о Принце любви из Турне, что путешествует верхом на свинье, про Короля дураков из Лилля, про Принца утех из Валансьенна, про Аббата веселий из Арраса², – перечислил Вальтер. – Про Всешутейшее величество ничего не знаю.

– Конечно, – подтвердил новоявленный вестник радости. – Вся эта челядь из моей свиты регулярно забывает чествовать своего монарха!

– Болтун это, каких свет не видывал! – вставил бондарь. – Прогнать бы его поганой метлой, да обещал подвезти!

– А где мы едем? – забеспокоился Вальтер.

– Мы в предгорьях Гарца, вздымающихся на теле благословенной Саксонии, словно перси молодой вдовы при виде юного красавца, – тут же растекся шут. – Если посмотреть направо, покрытые туманом всхолмья...

– Я не могу посмотреть направо, – оборвал дурака Вальтер. – Налево, кстати, тоже.

² Неполный перечень знаменитых шутов, веселивших испанского короля Филиппа в Антверпене, взят из книги Шарля де Костера о приключениях Тиля Уленшпигеля.

– Да я так, фигурально выражаясь... – пошел шут на попятный, раззвевшись не на шутку. – Достославный бондарь, да будут бочки твои красивее дамских округлостей, не подскажешь ли, которая из здешних вершин – Брокен?

– Ведьмина гора? – переспросил владелец телеги. – Да вон она, самая высокая. Из-за других макушкой выглядывает да в тумане прячется. Тьфу на нее!

– Отчего же тьфу? – поинтересовался шут. – Гора как гора, видал я, конечно, и повыше...

– Будто сами не знаете, что на той горе творится! – вскрикнул бондарь, а потом, понизив голос, зашептал:

– То и дело слетаются ворожеи и колдуны со всего света, кто на козле черном, кто на метле, кто на прялке или ухвате, а кто в ступе. Каждый со своим демоном, инкубом аль суккубом под руку. Без этого никак. Там напьются все крови честных христиан, да как начнут развратничать вповалку, тут уже не разберешь, кто где! А в самую полночь появляется перед ними сатана, и они по очереди рассказывают ему про все мерзости, что причинили людям...

– Интересный ты человек, господин Ян! – хмыкнул Вальтер. – В колдовство то веришь, то не веришь.

– Так то же Брокен! – возразил бондарь. – Одно дело, когда я благоверную свою ведьмой сгоряча обозвал, и совсем другое, когда вой по горам на всю Вальпургиеву ночь, костры да людские вопли!

– Решено, – хлопнул ладонью шут. – Мы должны на это посмотреть! Через неделю святая Вальпургия, вот и залезем.

– Кто это мы? – поинтересовался Вальтер. – Не собираюсь я с чертовщиной якшаться! Тем более в ночь ведьм.

– И я не пойду, – заявил бондарь. – Еще мальчишками там по склонам лазили. Как вспомню, жуть берет! Туман там постоянный, хоть днем, хоть ночью, мороз до костей пробирает, и камни кругом плоские стоят, на которых ведьмы жертвы чертям приносят... Брррр! А если душа христианская в туман зайдет, то светиться начинает, чтобы твари адские ее, значит, разглядели³.

– Ну вот, – разочарованно протянул шут, – столько интересного, а я один туда иду! Даже пешей дороги не знаю!

– Справишься, – пресек эти поползновения бондарь. – Я сейчас прямо поеду, в Гослар, а тебе, дурак, направо. Протопаешь в горку, потом с горки, там и деревня. Не помню, как ее там, то ли Швайншайс, то ли Штильштайн. Там тебе всякий дорогу подскажет.

– А двор постоялый или харчевня там есть? – вставил Вальтер. Тошнота и головокружение почти отпустили, и вечно прячущийся в утробе голод немедленно напомнил о себе.

– Да как же не быть? – ответил бондарь. – Вон уж тот перекресток виднеется.

– Ну, тогда всем счастливо оставаться! – радостно зазвенел шут, спешно засобиравшись. – Только ты, господин бондарь, одежку верхового мне подай, как условились. Нечего ее под седалищем припрятывать! Чай, задница – не глотка, гуся не затолкаешь!

* * *

Кабак гудел, как растревоженный улей. Стук кружек, пьяный смех и бессвязный гомон сливались в привычную мелодию вечерних попоек, извечных, бессмысленных по своей сути, но необходимых тем, кто тщетно искал забвения от горестей жизни на дне кружки.

«Интересно, кто забирается в такую глушь? Или здесь наливают только своим?» – подумал Вальтер, замирая на пороге и стараясь унять учащенное дыхание. До того, как его толкнут в грудь или в спину, пройдет всего несколько мгновений, а отшагнуть в сторону, никого

³ Описанный физический эффект, получивший название «Брокенский спектр», был изучен еще в XVIII веке.

не задев, всегда было задачей невыполнимой. Столы везде расставляли, как Бог на душу положит.

Музыкант ловко извлек флейту, приложил к губам, и в следующий миг мелодия жаворонком взлетела к потолку, приветствуя вселенную.

Проклятая дрожь никак не унималась! Подъем в горку дался сравнительно легко, но общая слабость и волнение (вечное волнение, как в первый раз!) сделали свое дело – жаворонку нужно было слишком часто махать крыльями, чтобы оставаться в воздухе. Но результат публике вроде понравился. По крайней мере, разговоры и смех стихли, и бить Вальтера не начали.

Жаворонок, спикировавший было к полу, снова взмыл вверх, затрепетав всем своим хрупким существом, затем, коротко побившись в дверь, окна и крышу, вырвался на волю и, поймав ветер, вылетел на простор. Трель вестника полей заполнила собой все пространство от земли до неба. Пробуждающееся солнце только-только поднялось над краем земли, чтобы прогреть уставшую от холодов землю и обратить к жизни едва пробившиеся былинки. Маленькая, невзрачная и дрожащая от весенней прохлады птичка купалась в его лучах, словно святой в сиянии славы Господней, поющий осанну Царю царей и Господу господ. Вечно изменчивый и каждодневно постоянный голос благоговейно трепещущего восторга. Бесконечно одинокий в своем слиянии с миром, никем не слышимый, кроме Него...

Смешок, короткий и неуклюжий, прозвучал, словно выстрел. Трель жаворонка сбилась, раненая птичка, неуклюже взмахнув крылышками, камнем рухнула вниз.

Один за другим люди подхватывали смех. Хохот сначала пробивался через силу, с натугой выходил из онемевших глоток, то вымученно подскакивая вверх, срываясь на визг, то опускаясь вниз, переходя в надрывное хрюканье, будто кто-то давился трактирным пойлом. Затем разноголосый смех прорвал плотину и беспрепятственно хлынул на Вальтера, мгновенно затопив весь кабак до самой крыши.

Окровавленный жаворонок в отчаянии рванулся было к небу, но десятки глоток, надрывавшихся в тупой истерике, вопящих от восторга и разбрызгивавших пьяную слюну, утопили его в разнузданном реве, разорвали на части и мгновенно сожрали без остатка. Ощущая тихий шелест опадающих перьев, с кровью вырванных из маленького тельца, Вальтер отнял флейту от дрожащих губ и замер в немом ужасе...

– Не старайся, дружище! Они уже оценили, – шепнул прямо в ухо знакомый голос шута, панибратски приобнявшего Вальтера за правое плечо.

Музыкант сжался в бессильном отчаянии.

– Послушай-ка!

На пол одна за другой падали монеты.

– Налейте им! Налейте!

– Хорошо веселят!

– Ух, что творят, стервецы!

– Неплохо для первого раза, совсем неплохо, – так же шепотом одобрил недавний знакомый. – Все делим поровну, если не возражаешь.

* * *

– Давай, дружище, освободи себя от зла!

Новый знакомый одной рукой давил ему на шею, а другой придерживал отросшие волосы, чтобы они не лезли в лицо и не перемазались. Перегнувшийся пополам Вальтер, сильно шатаясь, держался за стену. Было холодно, ночь, наверное. Музыканта ощутимо трясло, но от чего именно, сказать было трудно.

– Переборщил ты маленько, с кем не бывает! – сочувственно произнес шут, а потом вдруг расхохотался. – Трактирщика ты обдал знатно! Зачем ты к нему целоваться полез? Он же не девка!

Колотившийся в ознобе Вальтер хотел было сказать, что не видел, к кому приставал, но вновь почувствовал, как во рту появилась желчь, по пояснице побежали мурашки и живот скрутил новый позыв.

– Надо... извиниться... – произнес музыкант некоторое время спустя, пытаясь сплюнуть мерзкий привкус и наконец выпрямиться.

– Ты давай там голову наклоняй, виноватый! – прикрикнул шут, еще сильнее надавив на шею. – Ладно себя испоганил, а мне одежонка дорога. В ней еще работать и работать!

– Почему они смеялись? – спросил Вальтер, вновь сплевывая желчь. Он задал этот вопрос едва ли не каждому в харчевне, но в ответ всякий раз слышал все тот же пьяный смех и предложение выпить.

– Из-за меня, дружище! Все твои беды из-за меня! – расхохотавшись, ответил шут. – У меня много талантов, и один из них – подражать людям в голосе и привычках, а если надо, то и во внешности. Я просто показал им, как ты играешь, но чуточку по-другому.

– Зачем, Йост?

– Им не нужно рвать душу, дружище. Они не за этим пришли. Они просто хотят забыть о своем убожестве, видя убожество других.

Музыкант хотел было сказать шуту, что шее больно и за волосы дергать не нужно, но его снова вырвало. На этой раз скупой, одной желчью. От спазмов содрогалось все тело, а желудок, сжимавшийся так, будто хотел вывернуться наизнанку, и не думал успокаиваться.

– Слушай, что-то ты больно часто извергаешь эссенции, – обеспокоенный голосом сообщил Йост. – Ты столько не съел!

– Надо... к лекарю... – произнес Вальтер, чувствуя резко накатившуюся слабость внизу живота.

– Ума лишился? Где мы тебе в такой дыре врача найдем? И денег больше нет, мы ж прогуляли все!

Музыканту сейчас было не до денег. Он буквально содрал с себя те тряпки, что служили ему штанами, и присел на корточки.

– Дружище, ты хоть за сарай зайди! – возмутился было шут, но, заметив решительность вальтеровых намерений, сменил гнев на милость:

– Ладно, чего уж. С природой не спорят.

* * *

Легкость во всем теле была необычайная. Вальтер буквально взлетел с лежанки, попытался выпрямиться во весь рост, но уткнулся затылком в какой-то колючий веник и сразу же присел. Слабость в теле тут же дала о себе знать; чтобы унять легкую дрожь в руках и ногах и накатившее головокружение пришлось немного посидеть и отдышаться. Заодно ощупал новую одежду. Кое-где залатанные и пахнущие затхлостью – видать, долго в сундуке лежали – льняная рубаха и такие же штаны сидели свободно, но телу были гораздо приятнее его прежних обносков.

Всю ночь Вальтера крутило. Вчерашний шут тащил его в неизвестном направлении, трещал без умолку, то и дело стучался в дома, прислоняя его к стенам и заборам, рядом надрывно лаяли собаки, кто-то ругался... Все это музыкант помнил плохо. Зато ему отчетливо врезались в память заботливые руки, которые поили его странным на вкус питьем, аккуратно поддерживая голову, и голос, так уверенно убеждавший, что все будет в порядке, что Вальтер ни на миг

в этом не усомнился. Питье в животе не задерживалось, раз за разом гулко выливаясь в кадку, но голос от этого не расстраивался, понуждая пить еще.

Потянуло сквозняком. Вальтер прислушался, но кроме тихого сухого шелеста, бульканья и обычного деревенского шума ничего не расслышал.

Пытаясь сориентироваться в пространстве, музыкант снова поднялся к венику. В нос ударил яркий запах можжевельника. Вальтер на ощупь двинулся дальше и уткнулся в связку чеснока. Его ребристые головки с шуршащей шелухой, хитро привязанные к бечевке, висели вдоль стены, как праздничная гирлянда. Вальтер повернул налево, ощупывая проконопаченные деревянные стены.

Следующие несколько пучков были мятными. Веточки короткие и совершенно сухие, но свежий запах спутать было трудно. Раньше мать давала ему мяту, чтобы спал покрепче. Затем были веточки подлиннее. Не дерево и не куст, трава какая-то, с разлапистыми листьями, на рябину похожа. Пахнет... Музыкант сорвал край листочка и задумчиво пожевал. Сладковато-пряный запах и горький вкус казались смутно знакомыми. Точно, пижма!

– Мам, он проголодался? – шепотом спросил незнакомый детский голос. Вальтер тут же замер. И жевать перестал.

– Это вряд ли, – засомневался тот же самый женский голос, который ночью убеждал музыканта, что все будет хорошо. – Давай-ка, трактирный герой, выпей! Как раз настоялось. А ты, Томас, мешок приготовь!

Послышался быстрый топот, шелест одежды, и в руку Вальтеру сунули деревянную кружку. Он понюхал осторожно, но не различил ничего, кроме древесины. Настой коры?

– Живот не болит? – поинтересовалась женщина.

– Нет, – ответил музыкант, слегка покачивая кружку в руках. Заполнена на две трети.

– Тогда тысячелистник зря добавила.

Ее речь звучала не так резко, как у других уроженцев здешних мест, да и сам голос был мягким, грудным, обволакивающим. Правда, сейчас в нем отчетливо слышались искрящиеся нотки веселья.

Вальтер осторожно поднес кружку к губам и начал пить. Вкус был сложный, чуть сладковатый и очень вязущий. Одним тысячелистником точно не обошлось.

– Там на дне крупинки, в них самое главное, – предупредила женщина. – Взболтай и выпей!

– А что это? – поинтересовался музыкант, пытаясь раскусить одну из тех, что застряли во рту.

– Лягушачья икра, конечно, – спокойно сообщила женщина, забирая кружку.

Вальтер тут же начал отплевываться, пальцами пытаясь счистить мерзкий вкус с языка.

Тюк!

По макушке крепко стукнули пустой кружкой, и Вальтер схватился за ушибленную голову.

– Совсем обалдел?! Это семена подорожника, первое средство при отравлении! – возмутилась травница. – Лягушачью икру никогда не трогал? Она же намного мягче!

– А произносить что-то нужно? – уточнил музыкант, почесывая место удара.

– Что произносить? – не поняла женщина, застучавшая чем-то деревянным.

– Ну, слова какие-нибудь... Чтобы выздороветь... – пояснил Вальтер, все больше чувствуя себя идиотом.

– Прочитай «Те Деум»⁴ и перекрестись, – уверенно порекомендовала травница, но Вальтер, у которого слух был наметан, опять различил в голосе скрытое лукавство.

– Поможет? – на всякий случай переспросил он.

⁴ «Тебя, Бога, хвалим» – латинская версия древней христианской молитвы.

– Точно не повредит, – заверила женщина все тем же тоном.

Флейтист прочитал молитвы вслух, и травница рассмеялась. Вальтеру понравился ее смех: беззлобный, мягкий, с легкой хрипотцой.

– Мам, я один этот уголь не дотащу! – разочарованно протянул прибежавший с улицы мальчик.

– А тебе и не надо, – ласково успокоила его травница. – Мешок вот этот потащит. Ты ему только дорогу до гончара покажи. Мне вчера другой голодранец, тот, что в цветных тряпках и колпаке, заявил, что они все отработают и вообще на разные дела мастаки. Вот пусть к хозяйству и прилаживаются, раз уже на ногах. Кстати, где второй-то шатается?

– Добрая госпожа, спасибо вам за бескорыстную помощь, новую одежду и гостеприимный кров! – поблагодарил Вальтер, глубоко кланяясь.

– Ты не обольщайся! – весело сообщила травница, уже гремевшая металлической утварью. – Отработаешь мне за все. Одежда не новая, но твои прежние лохмотья даже в чумном бараке носить стыдно. А что касается крова, на эту ночь я тебя, болезного, в доме приютила, а следующие проведешь со своим дружком-хохотуном в сарае.

* * *

– Хватит уже дудеть! – воскликнула травница. – Ты корове трактирщика траву дал?

Музыкант знал, что ворчит она притворно. Ей нравилось, как он играл, и потому он часто брался за флейту. А она часто перебивала и делала вид, что музыка ее не интересует. Но стоило ему снова коснуться губами ясеневое свистка, как она замирала, а если делала что-то важное, старалась не шуметь.

– Да, только она почти не ела, – ответил Вальтер, убирая инструмент. – Чуть не насильно пришлось заталкивать.

Сказать по правде, он бы на месте коровы тоже засомневался. В том пучке чего только не было, и пах он резко и довольно неприятно.

– Плохо, – зацокала языком Эльза. – Помрет скоро скотина, надо трактирщика предупредить.

– Мам, давай я сбегаю! – вызвался Томас.

– Вот еще! – возмутилась травница. – Один все сидит и на дудке играет, второй шатается где-то днями и ночами, теперь и собственный сын от работы бегать будет? Собирайте, что велено. Меньше недели до святой Вальпургии! Сейчас один день весь год кормит!

Практически все время с утра до вечера они проводили в полях, но не пахали и не сеяли, а собирали травы. Одни прямо по росе, холодившей босые ноги и умывавшей руки, а другие, наоборот, в вечерних сумерках. В полдень садились где-нибудь в теньке, обедали и отдыхали. Фрау Эльза быстро поняла, что Вальтер ничего в травах не понимает, поэтому сначала давала ему потрогать и понюхать одно-два растения, чтобы не рвал все подряд, а потом отпускала, как она это называла, «на вольный выпас». Пользы от музыканта было чуть больше, чем от козла молока, поэтому он чаще брался за флейту, чем за работу.

– Держи, Вальтер. Это тысячелистник.

Музыканту очень нравились ее прикосновения. Травница брала его за руку уверенно, но мягко. Иногда клала руку ему на плечо и подводила к нужному растению. С тех пор как Вальтер ослеп, к нему вообще не прикасались женские руки, и бродячий артист совершенно не ожидал, что это будет настолько приятно. Аж мурашки по коже!

Музыкант провел пальцами по мелким листочкам, с оборотной стороны чуть более шершавым, чем с лицевой.

– Этот я помню! – воскликнул он. – Тысячелистником лечат, когда животом захворал.

– От трактирных хворей батогом поперек спины лечат! – с нескрываемым ехидством сообщила травница, а потом добавила уже всерьез: – Цветами тысячелистника боль в желудке снимают, а листьями кровь останавливают.

Она стояла совсем рядом, и Вальтер отчетливо слышал ее запах. Пахло дымом очага и козым молоком, старой, но чистой одеждой, женским потом, острым, пряным, но не таким тяжелым, как мужской. Едва уловимо пахло мылом и очень сильно – травами. Удивительный аромат женщины плыл над полями, то смешиваясь в невообразимые многозвучия, то разделяясь на отдельные ноты, и переливался всеми цветами, о которых Вальтер только помнил. Музыкант никогда с подобным не сталкивался; это было настоящее волшебство.

– Госпожа Эльза, я тоже кое-что слышал о свойствах трав, – произнес он только для того, чтобы она еще немного постояла рядом с ним. – Дягиль помогает от распутства, а укроп – от дьявола.

– В жизни не видела, чтоб дьяволом болели, – с усмешкой сообщила травница и сразу отошла в сторону, к огромному разочарованию музыканта. Он принялся отыскивать в траве характерные листья, но не слишком спешил. Все равно после него травы самой Эльзе перебирать.

– Не называй меня госпожой, Вальтер, – внезапно сказала она. – Мы ведь...

– Мама, мама, я правильно сорвал? – подбежал, шурша травой, Томас.

– Конечно, милый! – произнесла Эльза, и в ее голосе было столько тепла и ласки, что мальчик наверняка просиял. – Только мы это в другой пучок положим!

* * *

Музыкант сидел на стуле с запрокинутой назад головой, боясь даже шелохнуться. Острое лезвие, неприятно щекотавшее подрагивающий кадык, упиралось ему в горло.

– Еще чуть-чуть, и станешь на человека похож! – подбодрила Эльза, орудовавшая бритвой, как заправский цирюльник. Вообще, Вальтер в руки к цирюльнику раньше не попадал, но думал, что разница невелика. Слепому бродяге всегда было не до внешности, а поросль на подбородке и щеках ему и вовсе не вредила, но Эльза почему-то думала иначе. Сначала волосы немного подровняла, а теперь, намылив ему щеки, уверенными движениями очищала подбородок и щеки от мужской поросли.

– Ох, дружище, не жилец ты больше! – зловещим тоном произнес Йост, наблюдавший за процессом бритья с самого начала. – Вон она как молодо выглядит, наверняка в людской крови купается! Сейчас один взмах – и будет вся мокрая, липкая и красная с головы до ног!

– Побойся Бога, Йост! – укоризненно произнес музыкант, но рука травницы, как нарочно, дернулась. Сбоку, прямо под выпирающей косточкой челюсти, защипало.

Эльза чертыхнулась.

– Вот, о чем я говорил? – радостно завопил шут. – Попомни мои слова, дружище, сведет она тебя в могилу, даже не пикнешь!

– На, промокни! – с досадой буркнула травница, подавая Вальтеру влажную тряпицу. – Я в дом.

Бритье организовали во дворе, где света было больше. Вальтер сидел верхом на перевернутой кадучке, а шут, как всегда, бил баклуши и болтал без умолку. От работы он все эти дни уверенно отлынивал, прямые поручения игнорировал. Правда, есть за все время он ни разу не попросил, питаясь только тем, что приносил ему Вальтер, а когда травница намекнула, что не за просто так предоставила Йосту крышу над головой, он и вовсе перестал ночевать, изредка появляясь, когда вздумается.

– Зачем ты ее дразнишь? – укоризненно спросил Вальтер, услышав, как Эльза захлопнула за собой дверь. – Ты же видишь, что ей неприятны твои намеки!

– А что я такого сказал? – парировал Йост. – Вся деревня ее за глаза ведьмой называет.

– Она не ведьма! – отрезал музыкант.

– С чего ты взял? – не сдавался шут. – Чтобы это заявлять, ты должен знать обо всех ее поступках, а чтобы доказать обратное, достаточно всего лишь одного случая колдовства! Поинтересуйся, например, куда она мужа своего дела! И был ли он у нее вообще!

Вальтер несколько раз ловил себя на мысли, что хочет задать этот вопрос, но всякий раз не решался, надеясь, что когда-нибудь Эльза сама откроет ему сердце.

– Есть такие вещи, Йост, – вздохнул он, – о которых лучше и вовсе не знать.

– Предпочитаешь ложь, хотя можешь узнать правду? А я-то думал, что наоборот.

– Какую правду, Йост? – перебил Вальтер. – Ту, что по деревне болтают? Что дьявол забрал мужа, когда они поссорились? Что она плюнула кому-то вслед, и тот покрылся паршой? Что всякий раз, когда ее прогоняли из деревни, кто-то заболел и ее звали обратно, чтобы лечить? Это просто события, которые, может быть, вообще не связаны между собой!

– Кого-то ты мне напоминаешь... – задумчиво произнес шут и вдруг схватил Вальтера за руку. – Пойдем со мной на Брокен! Там и выясним, есть колдовство или нет и ведьма ли твоя Эльза.

– Она не моя! – высвободился Вальтер. – И на Блоксберг⁵ я с тобой не пойду!

– Точно напоминаешь! – хлопнул себя шут, и колокольчики зазвенели громче, чем обычно. – Знал я бондаря одного, который в ведьм не верил, а Вальпургиевой ночи боялся!

– Мне это не интересно, – отвернулся Вальтер, заканчивая возиться с тряпкой. На ощупь лицо было вполне гладким, а порез совсем малюсеньким.

– Ну и оставайся, тебе же хуже. А я прямо сейчас отправлюсь срывать покровы с самых темных тайн этого мира!

– Как, уже? – удивился Вальтер, который в глубине души все еще надеялся на помощь Йоста по дому. Многие дела были ему, калеке, не под силу, хотя он, как мог, облегчал травнице бремя хозяйственных забот. – До ночи ведьм еще три неполных дня!

– Подъем на гору не долгий, а вот топать туда... – разъярил шут. – Постой, а может, твоя ведьма меня на метле подвезет? Или она на козе летает?

– Да катись ты ко всем чертям! – не выдержал Вальтер. Однообразие сегодняшних шуток не вызывало в нем ничего, кроме раздражения.

– Вообще-то, к ним и иду, дружище, – совершенно серьезно заявил Йост. – Если я прав, меня ждет самое жуткое и самое забавное зрелище во вселенной!

– Одинокая ночевка на пустой и холодной горе? – ухмыльнулся музыкант, спрыгивая с кадушки.

– Нет, дружище! – бросил шут ему в спину. – Один слепой дурак, которого притащат на заклятие!

* * *

– Ну-ну, Томас, ты чего?

Мальчик ревел без остановки. Уткнулся ему в живот и плакал навзрыд, размазывая слезы по рубашке. Музыкант, застигнутый врасплох таким бурным проявлением чувств, попросту растерялся.

– Кто тебя обидел? – спросил музыкант как можно ласковее. Ему раньше не приходилось выслушивать детские обиды, но ребенок никак не унимался. Вальтер, вспомнив, как обычно поступала в таких ситуациях его мать, взъерошил густые волосы мальчугана.

⁵ «Блоксбергом» в Германии называли разные горы, в том числе и Брокен в Гарце, но преимущественно в контексте шабашей ведьм, которые проходят именно на Блоксберге.

– Ка... Ка... Карл! – донеслось наконец из вымокшей рубашки.

– Тот, что живет с восточной стороны?

– Да! – подтвердил Томас и снова разрыдался. – Он... он меня отлупил! Ни за что!

– Как так ни за что? – спросил Вальтер, не переставая гладить мальчишку. – Расскажи мне, как было дело.

– Он... Он цветы выращивает, и я... я... у него сорвал.

– Томас, – перешел на строгий тон Вальтер, – разве мама не говорила тебе, что красть нехорошо?

– Я ведь не для себя! – опять заревел только-только успокоившийся мальчик. Вальтер опять прижал его к себе покрепче, глядя по плечам. «Эх, зря стал воспитывать!»

– Ты хотел порадовать маму?

– Нет, Агату! – ответил Томас, повернув голову в сторону. – Мы с ней вместе гуляли на склонах, она сказала, что ей нравятся цветы у Кривого Карла. Беленькие такие, маленькие. Я полез и попался. Карл меня за уши выдрал и хворостиной отхлестал. Я вырвался, но цветы обронил...

Томас опять расплакался.

– Так ты пострадал из-за девочки? – улыбнулся Вальтер. – Она тебе, наверное, очень нравится?

Мальчик покивал, не отнимая лица от вальтеровой рубашки.

– Так тебе радоваться надо! – потрепал музыкант мальчика за плечо. – Ведь ты пострадал за прекрасную даму! Совершил для Агаты подвиг, как настоящий рыцарь!

– Даааа! А что я те... теперь Агате скажу? – продолжал реветь Томас. – Я ведь ей цветов не принес!

«Ох, как все запутанно...» Вальтер даже не представлял, что ребенок в этом возрасте может плакать по такому сложному поводу.

Спасительная идея пришла неожиданно.

– А давай мы ей другой подарок сделаем! – предложил музыкант.

– Какой? – сразу встрепенулся мальчишка.

– Ну... – протянул Вальтер. – Может, куклу?

– Ведьминскую? – заинтересовался Томас. – Чтоб на Вальпургиеву ночь сжечь?

– Хотя бы, – согласился музыкант, как-то не ожидавший такого поворота. Он всегда считал, что подарки надо хранить, а не сжигать, но кто нынешних детей разберет? Мальчишка явно загорелся идеей. По крайней мере, реветь перестал и в рубашку больше не утыкался.

– Я тогда лоскутков по дворам соберу! – решительно заявил он, шмыгнув носом.

– А я соломы в сарае возьму, чтобы набить, – поддержал Вальтер.

– Только иголки нет... – расстроился мальчик и снова шмыгнул.

– А ты у мамы попроси! – посоветовал флейтист. – Скажи, что вместе со мной подарок делаешь, она даст. Только нос для начала прочисти!

Мальчик шумно высморкался.

– Вот так, – одобрил Вальтер. – Теперь давай вытрем слезы, чтобы не пришлось краснеть перед мамой, если она начнет нас расспрашивать! Не будем показывать ей свои слабости.

Музыкант несколько раз провел пальцами по мокрым щекам Томаса.

– А у тебя тоже есть слабости?

– У всех они есть, Томас, и у мужчин, и у женщин, но мужчины всегда терпят молча, – ответил Вальтер, затем аккуратно взял мальчика за щеки и наклонился к нему поближе. – Так, теперь улыбнись! Как шить-то будем, если у тебя под носом ручьи текут? Всю куклу вымочишь – не загорится!

Флейтист, не убравший ладони со щек мальчика, почувствовал, как заплаканное лицо медленно расплывается в улыбке.

– Вальтер!

– Да, Томас?

– У тебя очень мягкие пальцы, – признался мальчуган. – Мягче, чем у мамы.

Музыкант быстро убрал руки и попытался сделать вид, что приводит в порядок рубашку.

От смущения он готов был сквозь землю провалиться.

– Да... я... – замямлил было Вальтер, но вовремя собрался: – Давай, беги уже! Завтра ведь дарить надо, а у нас не готово!

* * *

Дрова трещали сильнее, чем на пожаре, бушующее пламя ревело, как рассерженный зверь. По всей деревне, – да что там, по всей Германии! – взметались в небо языки пламени, унося к потемневшим небесам, кишащим летающей нечистью, дым и пепел сожженных чучел, призванных защитить людей от дьявольских козней. Даже здесь, на пороге дома, Вальтер ощущал жар на лице и ладонях. Прыгающие, смеющиеся и пляшущие в нескольких шагах от него горцы наверняка были в мыле, но костры будут гореть до самого рассвета. Так велел обычай.

Первая ночь мая. Канун дня святой Вальпургии.

Вальтер часто думал, почему нечистая сила избрала именно эту ночь для своих сборищ. В детские годы он считал, что все дело в весеннем тепле: зимой по горам голышом не попрыгаешь. Но, прожив некоторое время в Шварцвальде, он узнал, что наверху, в горах, все так же холодно и даже снег лежит. Тогда ему пришла в голову мысль, что некогда в стародавние времена какой-нибудь варварский народ или дикое племя, жившие на этой земле еще до прихода Христа, праздновали приход весны, зажигая костры и танцуя по ночам обнаженными. Но, если народ исчез, почему их праздник остался? Почему благочестивые христиане, сами полуодетые, до сих пор беснуются сильнее, чем те, кого они когда-то боялись и хотели прогнать в самые неприступные горы и самые глубокие ущелья? Наконец в голове бродячего музыканта возникла третья идея, с которой он жил до сих пор и которая была больше всего похожа на правду: живительные силы пробуждающейся природы каждый год искали выход, переполняя всех существ на земле дикой, необузданной страстью, и люди, не зная, как совладать с напором стихии, на одну ночь отдавались глубинному зову разгоряченной плоти. Те, кто готов был подчиниться требованиям природы целиком, без остатка, уходили в горы, чтобы утолить свою жажду плоти в древнейшем танце мужчины и женщины.

– Как ты думаешь, это смех или страх? – спросила подошедшая со спины Эльза.

Безумные вопли хохочущих людей постепенно удалялись. Процессия, по традиции обходящая каждый двор с факелами, гиканьем, песнями и заклинаниями, свернула налево. Музыкант чувствовал на шее горячее дыхание женщины, стоявшей совсем-совсем рядом, и ему все больше становилось не по себе.

– Я думаю, это одно и то же, – ответил Вальтер. – Люди смеются, потому что боятся. И боятся тех, над кем смеются. Такой вот замкнутый круг.

Травница рассмеялась и увлекла его за руку в дом.

– Выпей, – сказала она, вкладывая ему в ладонь деревянную кружку. – Все смеются, а ты стоишь хмурый!

Вальтер осторожно пригубил, и во рту немедленно расцвел фантастический букет. Из сладости меда, как из плодородной почвы, пробилась ростки всевозможных трав, отдавая напитку всю горечь и пряность листьев, всю сладость и терпкость побегов, весь нектар цветов и весь сок корней. Эльза почему-то не отпускала его руки, будто боялась, что он не допьет до конца. Вальтер, немного поколебавшись, медленно выпил все до последней капли.

– А где Томас? – спросил музыкант, с беспокойством ощущая, как напиток пробуждает в нем незнакомое доселе тепло. Будто все его тело согревалось под лучами невидимого солнца, все ярче пылавшего где-то в глубине живота.

– Гуляет с другими, – беззаботно ответила травница. – На рассвете вернется.

Эльза, куда-то отставившая кружку, по-прежнему держала его за руку, отчего Вальтера колотило, как в ознобе, хотя ему с каждым вдохом становилось все теплее. Музыкант вдруг почувствовал, что время все больше и больше растягивается, уши закладывает, а к щекам резко приливает кровь.

– Что это? – хрипло произнес Вальтер, стараясь унять странную дрожь, охватывающую все тело.

– Ты разве не знал, что в Вальпургиеву ночь травы действуют сильнее? – лукаво спросила Эльза своим мягким, чарующим голосом и снова рассмеялась. – Я ведьма, Вальтер. Сегодня мне положено колдовать.

Сердце стучало, как барабан, глухо отдаваясь в висках. В грудь мягко вонзилась невидимая игла, от которой по левой стороне тела растекалась сладкая, тягучая истома.

– Эльза, я...

Она прильнула к нему дрожащим телом и своими губами, горячими и сухими, нежно коснулась его губ. Вальтер нырнул в набегающие волны, даже не успев вдохнуть. Она целовала его еще и еще, а он тонул в потоке перехлестывавшей через край природы, неудержимо ломавшей все дамбы и запруды.

– У тебя очень мягкие пальцы... – прошептала она.

– Я знаю, – ответил он и медленно сыграл на мягком, дрожащем инструменте самую нежную мелодию из тех, на которые был способен.

* * *

Боль немного повозилась в обожженных подмышках и груди, пытаясь забраться поглубже, но угнездиться не смогла. Недовольно поворочалась, вылезла и, повинувшись ритму дыхания, зазмеилась по исхлестанному кнутом животу и изрезанным бедрам. Затем медленно погрузила когти в ожоги на спине, оставленные раскаленной решеткой, заставляя все тело конвульсивно содрогаться, и напоследок впиалась в изувеченные ступни, оторванные от земли.

Тупая, режущая, ритмично пульсирующая. Вальтер висел, вслушиваясь в многоголосый хор боли, звучащий во всем его теле. Очень хотелось разучиться дышать или просто умереть усилием воли, но человеку такого благословения не дано.

Вальтер только сейчас осознал, насколько он узник собственного тела. Привычка ориентироваться главным образом на слух, чуть реже на осязание и лишь в некоторых ситуациях на запах была способом наполнить окружающий беспросветный мрак вещами, раздвинуть границы восприятия как можно дальше от собственной кожи. Зрячим было проще совершать побег из той тюрьмы, в которую каждый человек заключен с рождения. Но каждое бегство, сколь бы искусным оно ни было, заканчивалось одинаково – непременно возвращением в тесную камеру. Оковы плоти ключами не отомкнуть. Слишком тяжелы эти цепи, чтобы дух мог их разорвать.

Вальтер только здесь, в казематах, понял, что искусство палача состоит именно в том, чтобы напомнить человеку эту простую истину. Убийство тела дарует душе свободу, и для настоящих мастеров заплечных дел это поражение. Видимо, древние палачи этого не понимали, иначе не было бы ни святой Екатерины, ни святой Варвары, ни всего сонма христианских мучеников. Страдания тела надо постоянно продолжать, тогда о душе думать не получится при всем желании. О Боге – тем более.

Когда все началось, Вальтер даже не понимал сути вопросов, которые ему раз за разом повторяли. Он признался уже во всем, вплоть до покушений на жизнь папы и императора, но ответы, видимо, никого не интересовали. Только сейчас музыкант начал понимать, что его терзали, калечили и жгли не для того, чтобы установить истину, а для того, чтобы навеки запечатать в теле, которое было всецело в их власти. Тогда и только тогда он станет настолько послушным, что с ним можно будет вести разговор.

Сейчас, когда дознаватели, обработав его раны кипящим маслом, ушли, музыкант страдал куда сильнее, чем во время пыток, потому что нет страшнее пытки, чем остаться с собственной искалеченной плотью один на один и слушать, как чудовище, состоявшее из одних лезвий и крючьев, пожирает мысли и эмоции одну за другой.

В каменном мешке гробовая тишина. Ни капель с потолка, ни треска факелов, ни сопения тюремщиков. Ни одного внешнего звука, за который можно было бы уцепиться и выплыть, Вальтеру не оставили.

Веревка на запястьях тугая, колючая. Не толстая, но достаточно прочная, чтобы удерживать его вес. Кисти совершенно онемели, их Вальтер уже давно не чувствовал. Напоследок он думал попросить разрешения сыграть. Наверняка не дадут, но если дадут, сможет ли? На теле нет ни нитки, тело дрожит, но не от холода. Жаровня нагрела воздух. Пахнет паленой плотью и соломой, обильно политой вальтеровой кровью. Перед новым допросом ее уберут и разбросают свежую. Дознаватели каждый раз работали в чистоте.

– Пст, пссст! – зашипела вода на раскаленном металле. – Эй, дружище! Ты тут?

– Йост?

Разбитые губы отказывались шевелиться, надсаженное горло с трудом исторгало звуки, но Вальтер был рад разговору как никогда. Даже боль немного поутихла.

– Мрачновато тут у вас! Прямо плач и скрежет зубовой!⁶ – послышался бодрый голос шута.

– Как? Как ты сюда попал? – удивился Вальтер, инстинктивно повернувшийся к решетке, за которой стоял неожиданный посетитель. Боль тут же вонзила в тело свои когти, заставляя музыканта выгнуться, как на дыбе.

– Я, сын мой, облачился в бабские одежды, именуемые рясой, и повелел открыть мне дверь, дабы наставить тебя, еретика, колдуна и закоренелого грешника, на путь истинный!

Шут превосходно скопировал одного из дознавателей. Вальтер в первый момент даже подумал, что их застали врасплох.

– Ты за мной? – робко спросил Вальтер, боясь спугнуть эту мысль.

– А то как же! – ободрил шут, и музыкант едва не просиял.

– Вернулся я, значит, с Блоксберга, а в деревне только и говорят, что тебя повязали, как колдуна. Непорядок, дружище! Все ведьмы на празднике были, у князя тьмы отчитывались, а ты решил поработать сверхурочно? Надеюсь, ты готов предстать перед грозными очами предводителя адских легионов?

– Я ничего не делал! – забился Вальтер. – Не делал я!

– Да ладно! – протянул шут. – Меня-то не обманешь! Уголь горшечнику кто отнес? Ты. У него ночью дом загорелся, насилу потушили. Траву корове кто дал? Опять ты. Сдохла корова. Куклу мальчишке кто помог сделать? Снова ты! Девочка слегла, того и гляди преставится. И ладно бы по отдельности, а тут все разом, в Вальпургиеву ночь. Ты сам справился или тебе ведьма помогла?

⁶ Поскольку в описываемый период перевод Библии на немецкий язык, сделанный Мартином Лютером, не только существовал, но и получил широкое распространение, автор, не желая лишать читателя удовольствия отыскивать в тексте прямые и косвенные цитаты из Священного Писания, не будет специально выделять их, за исключением тех случаев, когда герои произносят библейский текст на латыни.

– Как Эльза и Томас? – вновь встрепенулся Вальтер. В Гослар их увезли вместе, но с тех пор, как за ними закрылась решетка здешних подземелий, их развели в разные коридоры и допрашивали по отдельности.

– Живы пока, но это ненадолго, – мрачно предрек шут.

– Йост, вытащи нас!

– Шутишь? – хмыкнул лжеинквизитор. – Одна ряса на всех не налезет.

– Тогда хотя бы их! – попросил Вальтер.

– Ее точно казнят, дознаватели свое дело знают. Чего она пропустила Вальпургиеву ночь? Слетала бы, как все, ничего бы и не случилось! – продолжал валять дурака Йост.

Вальтер в отчаянии задержался на веревке. Резь во всем теле стала совершенно нестерпимой, и голос невольно сорвался на визг:

– Йост, не бросай меня!

– Не брошу, дружище, – весело произнес шут. – Признавайся во всем, чтобы вас поскорее на казнь повели, тогда что-нибудь придумаем. А сейчас мне пора.

Едва мигнувший луч надежды коротко затрепетал и погас окончательно.

– Поговори со мной еще! Хотя немного, Йост! Не уходи! – умолял Вальтер, но шут был непреклонен:

– Мне пора. Богобоязненность твоя не должна ли быть твоею надеждою, и непорочность путей твоих – упованием твоим?

Вальтер изо всех сил сосредоточился на окружающем мире, пытаясь различить знакомое звяканье или хотя бы тихий звук удаляющихся шагов, но услышал только сухой скрип веревки. В следующий миг все его силы ушли на то, чтобы не захлебнуться собственным криком.

* * *

Гослар они покинули в полном молчании. Телега прошла через ворота, в последний раз громыхнула по камням и съехала на проселочную дорогу. Тоненький скрип задней оси, глухой топот копыт, недовольное фырканье лошадей и звяканье сбруи – вот и все, что с облегчением слышал Вальтер. Он столько всего выслушал в городе, что больше ему совершенно не хотелось.

Они ехали в телеге втроем, держась за руки. Эльза, Томас и он сидели спинами друг к другу, наслаждаясь весенним солнышком, легким ветерком, вдвойне приятным после душных инквизиторских подвалов, и обществом друг друга.

Говорить совсем не хотелось. Да и зачем говорить, когда мир вокруг так прекрасен? Мальчик дрожал, но Вальтер и Эльза легонько гладили его ладони. Другой рукой музыкант сжимал ее руку. Если бы не веревки, связывавшие локти за спиной, был бы и вовсе рай.

– Далеко еще? – раздраженно бросил один из слуг профоса, сидевший тут же, на телеге.

– Нет, вон за тот пригорок заедем – и на месте. Там земля помягче, – объяснил палач.

Закопать живьем в землю. Ее – за колдовство: обычная казнь для ведьм. Мальчика – за то, что был зачат в сношениях с инкубом. Его – за пособничество колдовству и оскорбительные угрозы в адрес святой матери Церкви. Мягкостью наказания Вальтер не обольщался. Их не сожгли только потому, что негде было складывать еще один костер. Весь Гослар уже пылал.

Инквизиторы и вольные охотники на ведьм⁷ съехались в окрестности Гарца чуть ли не со всей Германии. В первые же дни мая по городам и весям были схвачены сотни женщин и мужчин, на которых местные жители показали как на участников шабаша на Брокене. Большинство схваченных взошли на костры в городах Саксонии, и не было в Госларе ни одной

⁷ Вопреки расхожему представлению, борьбой с колдовством в XVI – XVII вв. занималась не только католическая Церковь, но и протестанты всех мастей, а также «частнопрактикующие» охотники на ведьм. Последние лютовали ничуть не меньше, а нередко даже и больше, стремясь перешеголять церковных «коллег».

площади или перекрестка, где не трещал бы хворост и не разносились бы истошные вопли городских обывателей, призывавших Бога и Церковь спасти их от происков нечистой силы. Запах жареной человеческой плоти, пропитавший буквально все, от одежды и волос до камней брусчатки, чувствовался даже здесь, за пределами городских стен.

– Тпрррру! Приехали!

Вальтера грубо сдернули с телеги, перевалили, как мешок, через невысокий бортик, уронив на землю, и снова поставили на ноги.

Все. Что бы там ни задумывал Йост, ничего не выйдет. Отсюда уже не сбежать и за помилованием обращаться не к кому.

Веревки на локтях неожиданно перерезали, а в руки сунули черенок лопаты.

– Копай! – приказал профос, объявивший им приговор несколько часов назад, после того как инквизиторы передали обвиненных в колдовстве в руки светского правосудия.

– Я что, должен сам себя зарыть? – вполголоса поинтересовался Вальтер. «А палач тогда за что деньги получает?»

– По просьбе преподобного отца Эгберта, настоятеля церкви Космы и Дамиана, тебе, заблудшему и околдованному дьявольскими чарами, назначается испытание: если отречешься от ведьмы и ее отродья, закопаешь их при свидетелях и совершишь паломничество в Рим, грех будет тебе оставлен.

– А почему мне не сказали? – засуетился палач. – Я-то зачем ехал? В городе дел невпроворот!

– А ты кто такой, чтобы перед тобой святой отец отчитывался?! – рявкнул профос. – Будешь делать, что велено⁸!

Вальтер демонстративно бросил лопату.

Кто-то подошел, зашуршал в траве и в следующий миг крепко ткнул его черенком.

– Рой давай и не выделывайся! – укоризненно произнес палач. – Жить ведь будешь!

Музыкант отрицательно покачал головой и тут же получил черенком по лицу. После работы отцов-дознавателей это были просто досадные шалости.

– Как занятно! – со злобной радостью заявил профос. – А что если вас поменять местами? Как ты, колдунья? Лопат у нас аккуратно две – тебе и твоему отродью!

Кто-то из слуг мерзко засмеялся, предвкушая представление.

– Прости, Вальтер, – тихо произнесла Эльза, с треском вскрывая дерн. – У меня сын.

* * *

Вальтер кашлял тяжело, надсадно, с хрипом выворачивая легкие в попытке избавить грудь от комочков земли. Он стоял на четвереньках, весь в грязи, на зубах песок хрустит, но живой. Опять живой.

Когда Эльза и Томас поместили его, не сопротивлявшегося, в яму и начали забрасывать землей, он прочитал все молитвы, какие знал. Не по себе, по ним. Закапывали его лежа, а не стоя, как велел обычай, стараясь как можно дольше беречь голову от комьев земли. Правда, от росшей на груди кучи дышать было все труднее. Вальтер старался обходиться короткими вдохами, непонятно на что надеясь. Наконец стали закидывать и лицо. Музыкант в последний раз втянул воздух, скорее по привычке, и зачем-то начал считать про себя. Не дойдя до тридцати, конвульсивно напряг тело, но стены могилы уже не поддавались. Он – земля и отходил в землю. В висках стучало все сильнее, а спазмирующие легкие горели адским пламенем.

⁸ Хотя мастерство палачей было востребовано, они занимали низшую ступень социальной лестницы и фактически не имели возможности ее покинуть. Рожденный от палача становился палачом, а значит, на всю жизнь парией и изгоем.

Сознание уже практически погасло, когда Вальтер почувствовал на своем лице прикосновения чьих-то рук, торопливо пытавшихся освободить ему рот и нос от забившейся земли. Затем откопали остальное тело, перевернули на четвереньки, давая откашляться. Хорошо, что у палача были деревянные лопаты, а не металлические заступы, иначе вылез бы весь израненный, если вообще живой.

Живой.

Вот только зачем такие мытарства?

Кашляющего музыканта вновь поставили на ноги.

– Ну что, нераскаянный грешник? – обратился к нему профос. – Ведьма тебя уже отмолила. С того света, можно сказать, вытащила! Теперь твоя очередь. Сможешь их откопать, отправитесь в Рим втроем.

В руках у Вальтера опять оказался плохо оструженный черенок. Рядом тихо плакал Томас, Эльза шепотом успокаивала его.

– Хорошо, – выдавил из себя музыкант прежде, чем его скрутил очередной приступ кашля. «Чем черт не шутит, может, и вправду отпустят?»

Вальтера крепко схватили за плечи и развернули влево.

– Здесь копай! – подсказал один из слуг. – Легче будет.

Вальтер воткнул лопату в землю, вывернул первый ком и вдруг услышал эхо. Воткнул еще раз, но выворачивать не стал, обратившись в слух. Кто-то воткнул вторую лопату рядом...

В следующий миг ослепительный свет рванулся в слепые глаза. Молодая, ярко-зеленая трава устилала пологий склон пригорка. Редкие белые барашки паслись на светло-голубом поле небес.

Вальтер покрутил головой, в один короткий миг заметив, что роет новую яму, а не расширяет предыдущую, что профос в одежде с гербом Гослара сидит верхом на пегой кобыле рядом с телегой, на которой их везли, что двое бородатых слуг, похоже, из тех редких ландскнехтов, что смогли найти приют на городской службе, отложили в сторону копья и, ухмыляясь, смотрят то на него, то на Эльзу и Томаса, одетых в драную мешковину. Вальтер попытался моргнуть, но не смог. Спустя многие годы он вновь видел окружающий мир, но как-то по-другому, не глазами.

Перед ним торчала вбитая в землю лопата. Скелет одного с Вальтером роста опирался на свое орудие, повисая на нем всем телом так, будто ужасно устал. В первый момент Вальтер подумал, что это какое-то нелепое изваяние, но костяк внезапно переменял позу, щелкнул нижней челюстью и снова замер в ожидании. На нем не было ни савана, ни одежды, плоть и кожа сгнили почти полностью, частично сохранившись только на черепе. В глазницах шевелились личинки, из-за чего казалось, что глаза у мертвеца лукаво бегают из стороны в сторону.

– Чего застыл? – буркнул грузный палач в сером капюшоне и легонько подтолкнул Вальтера в спину. Тот, стараясь не сводить глаз со скелета, копнул еще раз, но не так глубоко, как в первый. Костяк в точности повторил его движение, но мгновением позже. Тогда Вальтер вбил лопату в землю со всей силой, которую смогло родить его истерзанное тело. Скелет тоже приложил усилие и вывернул ком не меньшего размера.

Вальтер, выбросив из головы все навязчиво толпившиеся мысли, сосредоточился только на том, чтобы копать. Два оживших мертвеца – облеченный в грешную плоть слепой музыкант и никем не видимый костяк – иступленно рыли, по очереди вгрызаясь в землю тупыми лопатами и не обращая внимания ни на кого, кроме друг друга: ни на подбадривающих слуг, которые уложили двоих приговоренных в свежую яму, ни на плачущего мальчика, первым скрывшегося под сыпавшимся сверху земляным валом, ни на обриту женщину, шептавшую то ли заклинания, то ли молитвы, то ли проклятия.

* * *

Вальтер сидел на земле, Эльза и Томас лежали рядом, положив ему головы на колени. Он – на правое, она – на левое. Музыкант спокойными, уверенными движениями стряхивал с милых лиц последние комочки грязи, а мать с сыном тихо смотрели в небо.

Он не успел.

Когда профос сказал: «Достаточно!» и Вальтер отложил лопату, страшный помощник исчез, а вместе с ним исчезла и возможность видеть. Вальтер бросился откапывать тех, кто стал его новой семьей, лихорадочно разбрасывая землю ладонями так быстро, как только мог.

Но он не успел.

Он переворачивал тела, переламывая их через колено и пытаясь вытрясти из них землю. Он укладывал их на спину, пробуя вычистить рты пальцем и вдохнуть жизнь в грязные мягкие губы. Он прислонял ухо к груди, пытаясь уловить хотя бы смутные отголоски сердцебиения, тлеющее пламя жизни, которое еще можно было бы раздуть.

Он не успел.

Вальтер визжал и катался по земле. Он хохотал, как сумасшедший, и пробовал еще раз зарыться в землю, чтобы вновь обрести зрение, но чуда не произошло. Он взывал к Богу и дьяволу, но никто ему не отвечал. Он в бессильной злобе колотил руками по траве и снова в отчаянии бросался к телам, раз за разом пытаясь оживить тех, кто уже отдал свои души костяному могильщику. Он не мог только одного – рыдать.

Он не успел.

Вальтер, обессиленный, сидел на земле, а Эльза и Томас неподвижно смотрели в небо. Он даже не заметил, когда и как уехали палачи. Пальцы медленно скользили по холодеющим лицам, пытаясь запомнить, как выглядело простое человеческое счастье.

Кто-то аккуратно тронул Вальтера за левое плечо и зазвенел бубенчиками.

– Дружище, оставь мертвым хоронить мертвецов!

Музыкант не ответил.

– Давай, пошли уже, – потянул его шут. – Посидим где-нибудь, помянем их.

– Где ты был, Йост? – повернул к нему голову Вальтер. – Где была твоя обещанная помощь? Где твой хитрый план? Лежит у меня на коленях?!

– Как это где? – совершенно искренне удивился шут. – План гремит в кошельке у профоса, а ты все еще жив! Жив, дружище! Уууу, как Костлявый лязгает челюстями от злости! Ты на моей памяти его уже два раза провел! У него же все зубы выпали в попытках тебя укусить! Пойдем уже, хватит тут рассиживаться!

Шут подхватил его под мышки и дернул вверх, пытаясь поставить на ноги. Вальтер нехотя поднялся.

– Куда теперь идти? Ни денег нет, ни флейты... Я все в деревне оставил.

– А я прихватил! – торжествующе воскликнул шут и сунул ему в руки инструмент. – Никто из тамошних на нее не позарился, а дознаватели проглядели.

Вальтер провел пальцами по своей давней возлюбленной, уже не единственной, и извлек короткое печальное трезвучие.

– Почему ты мне помогаешь, Йост? – с подозрением спросил музыкант. – В чем твоя корысть? Что я тебе сделал?

– Ровным счетом ничего, дружище. Просто ты обычный хороший парень, а к таким, как ты, я испытываю пристальный интерес и всяческие симпатии.

– Я не из таких, – твердо произнес Вальтер, по-прежнему испытывая нехорошее предчувствие.

– Так и я не из этих! – заверил шут, и у музыканта немного отлегло.

– Можно, я коснусь твоего лица?

– Валяй! – легко согласился шут.

Его всешутейшее величество Йост Иррганг был ниже Вальтера, но шире. Его коренастая и плечистая фигура, твердые мускулы шеи и плеч скрывали огромную силу. Одежда его была сшита из лоскутков разной, преимущественно четырехугольной, формы. На голове у него красовался двойной шутовской колпак с круглыми бубенчиками, вечно раздражавшими Вальтера своим перезвоном. Лицо шута было безбородым и безусым, правильной формы и очень подвижным. Нос прямой, не слишком выдающийся вперед, но, пожалуй, чрезмерный для такого лица. Пока Вальтер водил пальцами по лбу, щекам и подбородку, шут отчаянно корчил рожи, ни на миг не останавливаясь.

– Если будем выступать вместе, показывай не меня, а других, – твердо попросил музыкант.

– Конечно! – с жаром подтвердил шут. – Буду глумиться над зрителями, им-то все равно.

– Ух, повеселимся! – потер он ладонями в предвкушении. – Я ведь один работать не привык, совместно у меня лучше получается.

– Йост! – прервал его Вальтер.

– Чего, дружище?

– Поклянись, что больше не бросишь меня! Куда ты, туда и я! Куда я, туда и ты!

– Мне как-то не по себе, дружище... – притворно поежился шут. – Мы ведь не жениться собираемся!

– Хватит шуток, Йост! – вспыхнул музыкант. – Хотя бы сегодня, хотя бы сейчас скажи что-нибудь всерьез!

– Клянусь небом, землей, водой, огнем и всеми, кто в них живет, что не оставлю Вальтера, мастера-флейтиста, даже если он сам захочет оставить меня! – быстро и чересчур высокопарно продекламировал шут. – Пока на земле существует жизнь, пока мир не сгорит в огне, а небо не рухнет на землю, мы будем продолжать веселить и веселиться, и даже смерть не разлучит нас! Аминь! Так пойдет?

Вальтер, на секунду опешивший от такой величественной клятвы, невольно улыбнулся и потрепал шута за крепкое плечо:

– По-моему, слишком, но я согласен.

– Ну вот, – притворно расстроился новый друг. – Просил всерьез, а сам на попятный!

– Да куда я денусь, Йост? – ответил музыкант, проверяя, как там за пазухой флейта, и укладывая руку на лоскутное плечо шута. – Веди уже!

История вторая. Ради Неё

Ночной лес – отвратительное место для прогулок. Готфрид фон Вааге, продиравшийся сквозь заросли орешника, спотыкавшийся о каждый корень и путавшийся в зарослях папоротника, наглядно подтверждал эту прописную истину.

Темень была такая, что хоть глаз выколи. Когда луна все же сумела пробиться через непроницаемую пелену тяжелых туч, тусклые лучи мягко высветлили серебром густую летнюю листву. Широко раскинувшиеся кроны переходили одна в другую почти без просветов, и пробиться сквозь них было трудно. На высокий подлесок сил ночного светила едва хватило, а до грешной земли небесный свет не добрался вовсе. Рыцарь едва успел сориентироваться и немного сменить направление, как плотная, непроглядная тьма, раскинувшаяся в разные стороны тысячами узловатых рук и сотнями тысяч шевелящихся пальцев, вновь встала одесную и ошую.

Готфрид шел хоть и медленно, но совершенно не таясь. Цепь, соединявшая навершие меча и браслет на правой руке, то и дело бряцала о кольчугу. Уверенный в том, что этой ночью наконец сможет встретиться с Ней, рыцарь хотел бы бежать со всех ног, напрямик, сокрушая любое препятствие на своем пути, но боялся напороться на какой-нибудь сук или ненароком подвернуть ногу. Он ждал почти тридцать лет и готов был потерпеть еще немного.

Шорохи, шуршания, уханье и хлопанье крыльев – все эти звуки, в изобилии порождаемые лесом, казались шевелением адских тварей, вылезших из всех щелей, чтобы забрать душу того, кто потревожил их покой. Впрочем, звучали они в некотором отдалении: от уверенной поступи шагавшего через лес человека ночные существа старались убраться подальше. Мало ли что у него на уме! Да и рыцарь был не настолько мнительным, чтобы всерьез опасаться диких зверей. По крайней мере, этих.

* * *

– Да сколько можно, в конце-то концов?!

Возмущению Конрада не было предела. Он яростно тыкал рогатиной в ствол подвернувшейся липы, и Готфрид разделял его чувства. Причуды графа Эбергарта фон Зеевальда им всем уже порядком опостытели.

– Вам не надоел наш болван для отработки ударов? – все больше распалялся Конрад. – Зачем, ну зачем он сделал его в полтора раза выше ростом и снабдил дополнительной парой рук? Где он видел таких язычников? На другом конце света, сразу за землями монопопов?

Тринадцатилетний Готфрид, вдохновленный примером чуть более старшего товарища, воткнул рогатину в ствол с другой стороны. Липа трещала, но удары держала хорошо. Как верный оруженосец графа, Готфрид вынужден был регулярно сражаться с четырехруким громилой так же, как и Конрад, приходившийся фон Зеевальду племянником. И точно так же тяготился этим дурацким занятием.

– Эй, хватит тупить! – резко бросил Гильберт, но увидев, как друзья, нахмурившись, поворачиваются к нему, поспешно добавил: – Я про оружие.

Гильберт был средним сыном конюшего и, несмотря на то что отец давал ему поручения, игнорировал их, всегда и всюду таскаясь за друзьями – на ристалище, на кухню, в лес, куда графу приспичит. Граф Эбергарт по непонятной прихоти Гильберта поддержал, даже однажды осадил конюшего, когда тот хотел выдрать сына вожжами, и стал мурыжить наравне с остальными, чему и Готфрид, и Конрад были чрезвычайно рады – делить подзатыльники и оплеухи графа на троих было куда выгоднее, чем на пару.

– А кольчугу он почему не снимает? – снова затянул Конрад старую песню, но рогатиной больше не размахивал. – Ест в ней, спит в ней, молится в ней. Моется – и то в ней!

– Когда речку проезжает? – схохмил Готфрид. Уж он-то знал, что Эбергарт мытье не жаловал. И без брони действительно не оставался ни на миг. Даже когда кому-то из них, находившихся в замке на попечении и воспитании рыцаря, надо было чистить его кольчугу, приходилось сначала облачать рыцаря в запасную броню.

– Несет от него, как из дьяволовой задницы! – сплюнул Конрад. – А на бабу как? На бабу он тоже в кольчуге залезает?

– Кто о ком, а Конрад все о бабах! – усмехнулся Гильберт. Конрад в свои неполные пятнадцать лет, несмотря на вечно растрепанный внешний вид и торчащие в стороны уши, умудрился оприходовать едва ли не всех замковых служанок старшего возраста, чему двое других приятелей открыто завидовали. Они были младше и, к своему глубочайшему сожалению, женщин так близко еще не знали, вынужденно довольствуясь подробнейшими рассказами друга о новых и новых победах.

– Ну ладно кольчуга, а кони? Кони где? – продолжал лопухий дамский угодник. – Почему мы верхом почти не деремся? Рыцарь без коня – вообще не рыцарь!

– Похоже, в это Рождество пояс и шпоры нам опять не светят, – мрачно предрек Гильберт, в очередной взглянув в сторону клонящегося к закату солнца, – время поджимало. Среднему сыну графского конюшего в тринадцать лет рыцарство получить было можно, но только за выдающиеся заслуги, которых пока, увы, не наблюдалось.

Готфрид, неудачно задев елку, получил снегу за шиворот, выругался, кое-как отряхнулся и двинулся дальше. Он надеялся на лучшее, но предсказание Гильберта имело все шансы сбыться. Они целый день лазили по лесу, но нужных следов не обнаружили: птичьи, заячьи, лисьи, волчьи – этих особенно много – но не медвежьи.

– Медвежатины ему захотелось на праздник! – все так же раздраженно ворчал Конрад, у которого, как видно, крепко наболело. – А чего сам не пошел? Сидят там в замке у камина, пока мы в лесу яйца морозим!

Племянник графа с досады пнул небольшое деревце, и несколько комьев снега, упавших с веток, угодили ему прямо на шлем.

– Да уймись ты, Конрад, – взял его за плечо Гильберт. – Сам ведь знаешь, что шатун, да еще и наверняка подранок, вблизи замка совершенно ни к чему.

– Полезный зверь, мишка-то! – поддержал друга Готфрид. – Все с него в дело пойдет: мясо, сало, шкура, кости на поделки.

– Ага, талисман из клыков сделаем! – хмыкнул Конрад, а потом добавил примирительно: – Сейчас-то что делать будем?

Вопрос был действительно не праздный. В замок на Рождество Христово съехались рыцари чуть ли не со всего Заэльбья. С какой целью – неизвестно, но ходили слухи о большом походе в земли язычников. Трое друзей втайне надеялись, что на праздник состоится их посвящение, но вместо положенного суточного бдения в замковой часовне и заветного удара по плечу или щеке они получили от графа Эбергарта отнюдь не символического пинка. Точнее, получил Конрад, поскольку первым подвернулся под ногу. Вроде как в окрестностях замка посреди зимы проснулся медведь и задрал несколько человек, а к праздничному столу съехавшихся воинов неплохо подойдет жареная медвежатица. Вооружившись рогатинами и топорами, воспитанники Эбергарта в броне и шлемах отправились в лес со смесью разочарования и гордости: с одной стороны, о посвящении граф даже не заикнулся и с него станется отложить обряд на неопределенный срок; с другой стороны, медведь – зверюга серьезная, взять его для всякого почет, а для них троих – шанс показать себя и честно заслужить посвящение. Вот только показать, кроме себя, пока было нечего...

Они быстро нашли место, где зверь задрал двоих селян, отправившихся в лес за хвостом: небольшой распадок был изрядно утоптан, в том числе следами большого когтистого зверя, и залит кровью. Веревка, что связывала собранный в кучу валежник, была разорвана, дрова раскиданы. Кое-где попадались окровавленные клочья меховой одежды, а в сугробе обнаружился даже топор одного из селян – Готфрид углядел торчащую рукоятку, – но не было самого главного. Не было тел. Ни обглоданных костей, ни кусочка плоти, ничего. Трое охотников излазили все склоны распадка, но никаких следов, кроме звериных, не обнаружили. Предположить, что два изорванных тела за неизвестные заслуги ангелы вознесли на небеса, было столь же глупо, как и поверить, что медведь уволок жертв с собой, но других объяснений произошедшей на поляне чертовщине разум троих юных следопытов породить так и не смог. Определить направление, в котором ушел зверь, труда не составило, но след они быстро потеряли. Точнее, глубокие следы шагуна попросту исчезли в мешанине других, более мелких, так внезапно, будто их и вовсе не было. Побродив по окрестностям, горе-охотники выяснили, что в распадок вернуться тоже не могут, хотя направление они не теряли. Всем троим казалось, что те же самые деревья и кусты попросту стали расти в других местах, а их собственные следы закручиваются в петли, но признаться друг другу в этом друзья так и не решились.

Выбраться из леса труда бы не составило – по солнцу или звездам всегда можно определить, где запад, а крепость на холме не увидит только слепой. Если прямо сейчас повернуть назад, можно успеть к праздничному богослужению, но перспектива возвращения с пустыми руками никого не прельщала: нрав у владельца замка Зеевальд был таким же тяжелым, как и рука, да и собственная гордость не позволяла сдаваться.

– Что делать, что делать?! Следы искать, – буркнул Гильберт, осматривающий стволы в поисках царапин от медвежьих когтей.

Быстро уходящее за деревья солнце окрашивало снег в нежно-розовый цвет. Пушистый искрящийся ковер пересекали длинные серые тени деревьев и причудливо переплетенные узоры из следов разной величины. Где-то справа громко хрустнула ветка.

– Мне одному кажется, что за нами наблюдают? – спросил Готфрид, поеживаясь от странного предчувствия.

– Самка! – воскликнул Гильберт, указывая на снег. – С волчатами.

Трое оруженосцев столпились вокруг цепочки следов, уходивших в том же направлении, куда двигались они.

– Да что нам с нее! – махнул рукой Конрад. – Медведь-то где?

Холод пока только пробовал их на вкус: плотные стеганные куртки, подшлемники, меховые варежки и почти непрерывная ходьба по неглубоким сугробам неплохо грели. Если бы удалось подшлемник на лицо натянуть, было бы совсем хорошо. Вот только ночь опускалась слишком быстро, а во рту с утра ничего, кроме снега, не было. В порыве ненужного благочестия решили в сочельник попоститься. Сглупили.

Шагов через пятьсот стемнело почти окончательно.

– Может, огонь разведем? – высказал Гильберт общую мысль.

Ночевать в лесу – это не пировать в замке, но искать берлогу посреди ночи уже никому не хотелось.

– Стойте! – вскрикнул Готфрид и сделал несколько шагов вперед. – Видите?

На деревьях и снегу плясали тени. Очень слабые, но заметные.

Гильберт принюхался.

– Дым.

– Может, там другие охотники? Взяли медведя и решили на месте остаться, чтобы ночью не тащить? – предположил Готфрид.

– Какого черта?! Это наш медведь, и мы его вздрючим! – взбрыкнул Конрад, а потом, посмурнев, добавил: – Надо у них хоть голову забрать, а то Эбергарт нам не поверит.

Проверить огонь в любом случае стоило. Разбивать лагерь в такой близости от неизвестных было бы наиглупейшим завершением бездарного похода.

Перехватив рогатины поудобнее и стараясь не наступать на ветки, трое охотников медленно двинулись вперед. Снег под ногами тихонько поскрипывал, изо рта вылетали облачка пара, а ночной мороз все сильнее прихватывал за покрасневшие носы и щеки, еще не знавшие бритвы...

Судя по отсветам на снегу и стволам, становившимся все заметнее, костер был немаленьким. Деревья очень скоро поредели, и впереди показалась поляна, на которой горел огонь. Людей не было ни видно, ни слышно.

Гильберт жестом предложил обойти поляну справа, Готфрид и Конрад кивнули и двинулись следом.

В пламени на снегу было что-то зловещее. Ну какой нормальный человек на Рождество в лесу останется? Даже самый захудалый лесоруб, перебивающийся продажей дров и хвороста, даже самый бедный охотник, месяцами гонящийся за пушниной, чтобы накормить многочисленное семейство, предпочтет посидеть этой ночью с домашними, попеть песни и попрощаться с постом...

Готфрид попытался вспомнить, как выглядят его домашние, но не смог. Как-никак, семь лет их не видел.

– Смотри! – шепнул Гильберт, приподнимая рогатину. – Точно самка!

На поляне, в стороне от огня, но без всякого страха перед пламенем, сидела волчица с четырьмя рослыми волчатами. Они пожирали оторванную человеческую ногу. С увлеченным чавканьем и урчанием волчата отпихивали друг друга в сторону и рвали друг у друга куски. Взрослый зверь то и дело прихватывал за холку то одного, то другого щенка, прекращая ссоры, но детеныши практически сразу возобновляли возню и потасовки.

Никаких других частей тела видно не было.

– Какого... – ошарашенно произнес Конрад, шедший чуть позади, и, грубо растолкав товарищей, побежал. Друзья, не сводя глаз с жуткой картины, двинулись за ним. Как подумалось Готфриду, не с какой-то целью, а просто чтобы не отставать. Остаться одному в ночном лесу совершенно не хотелось.

Испуганные волчата отпрянули в сторону, а волк, точнее волчица осцерила зубы и встала перед сильно погрызенной ногой, защищая то ли детенышей, то ли добычу.

Конрад подхватил древко рогатины второй рукой и встал в стойку, намереваясь ударить, но тут раздался такой рев, что с ближайших к поляне деревьев упал снег. Три головы одновременно повернулись в сторону ельника и увидели то, что забыть теперь не смогли бы до самой смерти.

Одна из елок была украшена внутренностями. Размотанные кишки по спирали опоясывали деревце. На ветвях то тут, то там лежали вырванные куски бесформенной плоти. Верхушку украшала оторванная человеческая голова с широко раскрытым ртом. Она была слишком тяжелой для тонкой вершины, поэтому сильно завалилась на бок, щурясь полузакрытыми глазами на оторопевших друзей. Увиденное настолько не укладывалось в голове, что Готфрид даже зажмурился, пытаясь прогнать наваждение. Кто и, главное, зачем нарядил дерево таким жутким образом? Кому и что этим хотели показать?

И тут из ельника вышел волк. Матерый самец с очень темной шерстью медленно вылез из-под ветвей и отряхнулся. По шкуре, слегка присыпанной снегом, бегали огненно-рыжие сполохи, словно у адской гончей. Зверь коротко рыкнул и пошел прямо на людей. Он обнажил клыки, прижал уши. С каждым шагом он непостижимым образом увеличивался в размерах: зверь раздавался вширь и ввысь, и вовсе не потому, что шерсть вздыбилась от ярости, – чудовищный волк наливался силой. Щенки, испуганно скуля, потрусили в его сторону, а самка попятилась, продолжая рычать и щериться на застывших в ужасе мальчишек.

Втрое выросший самец встал на задние лапы, короткие и приземистые, и с места прыгнул на Конрада. Тот даже рогатину поднять не успел. Когти чудовища расплосовали стеганую куртку, как льняную рубаху, и вошли глубоко в грудь. Тварь на мгновение замерла, а потом рывком вытащила лапу, с мерзким чавканьем выдернув из тела Конрада кровавый ошметок.

Готфрид почувствовал, что ноги его приросли к земле. Ему вдруг очень захотелось проснуться за праздничным столом у рождественского камина, но кошмарный сон и не думал заканчиваться. Гильберт с отчаянным криком бросился на чудовище с рогатиной.

Широкое лезвие длиной в две пяди вошло точно между ребер. Чудовище, рыкнув, поперло на человека, навалилось, насаживаясь на острие до самого упора, не дающего рогатине войти слишком глубоко в тело, и пару раз взмахнуло когтями, пытаясь достать человека. Гильберт при всем желании не смог бы устоять под тяжестью этой туши, поэтому, уперев древко в землю, присел почти до самой земли, пытаясь удержать нужный угол наклона и одновременно избежать страшных когтей.

Готфрид, стряхнувший наконец оцепенение, подскочил сбоку, выхватил из-за пояса топор и мощно, с размаху рубанул по мохнатой спине, целясь немного выше хвоста.

Есть!

Ноги твари подкосились, а уши заложило от нового рева. Гильберт, дрожа от страха и нечеловеческого напряжения, с большим трудом опрокинул лязгавшего зубами зверя на бок, и Готфрид рубанул еще пару раз по мощной шее. Фонтаном брызнула кровь. Гильберт, повернув и вытащив рогатину, отскочил в сторону, а Готфрид рубил еще и еще, словно сумасшедший, и не понимал, почему же никак не удается перерубить шею.

– Хватит, Готфрид, хватит! – орал ему на ухо Гильберт, пытаясь за плечи оттащить друга от монстра. Оруженосец попятился и наконец бросил топор в снег. Забрызганные кровью руки тряслись, как у последнего пьяницы.

И тут монстр зашевелился, перевернулся на бок, затем встал на все четыре лапы и с хриплым отрывистым лаем поднялся на две. Нарочито медленно, чтобы показать людям, как затягиваются страшные раны на шее и могучем торсе. Торжествующая ухмылка твари выглядела так жутко, что у Готфрида все внутри оборвалось.

«Господи! Господи! Господи, так не может быть! Так не должно быть!»

Гильберт умер на месте; чудовище одним махом оторвало ему голову вместе со шлемом. Готфрид успел податься назад, заметив расплывчатое мохнатое пятно, и, как оказалось, вовремя. Острые как лезвия когти лишь расплосовали ему лицо. Оруженосец схватился правой рукой за искореженные остатки носа и скорчился от боли, вытягивая безоружную левую руку в судорожной попытке защититься.

Тварь играла с ним, как с добычей. Опустившись на четыре лапы, чудовище сделало пару шагов влево, пару вправо, а потом рвануло, намереваясь подмять под себя, но в последний момент сомкнуло челюсти на выставленной левой руке.

Готфрид непонимающе посмотрел на кровавый обрубок, а через мгновение пришла боль. Всепоглощающая, резкая, ветвящаяся по разорванным венам. Монстр с видимым удовольствием сморщил нос, втягивая запах свежей крови.

Оруженосец осел на подкосившихся ногах, встал на одно колено, сквозь туман наблюдая за тем, как чудовище нависает над ним, занося лапу для окончательного удара...

Но когти с жутким скрежетом скользнули по чужому, невесть откуда взявшемуся круглому щиту, и тварь жутко завывала, схватившись за обожженную лапу. Готфрид ощутил в правой руке появившийся прямо из воздуха клинок и услышал тихий голос:

– Рази!

Из последних сил он ткнул вперед. Клинок на миг сверкнул, как солнце, и вошел точно между ребер. Тварь нечеловечески взревела, отшатнулась назад и вдруг исчезла вместе с мечом. Убежала, прыгнула или просто растворилась в воздухе – Готфрид не видел. Он пова-

лился в снег, но сознание не потерял, хотя сейчас ему этого очень хотелось. В голову почему-то пришла мысль, что через миг-другой, когда он все-таки провалится в небытие, его тоже начнут грызть волчица с волчатами, сражаясь за лакомые куски.

Над Готфридом навис воин в старинных позолоченных доспехах и выбивавшихся из-под них белых одеждах.

Нет, не воин. Дева.

Она была прекрасна и грозна, как полки со знаменами. Светлые волосы Ее, покрытые снежно-белым капюшоном, были как стадо коз, сходящих с Галаада. Они мягко обрамляли ланиты, румяные, как две половинки гранатового яблока, а глаза... В человеческом языке нет слов, которыми можно было бы их описать. Вся радость и вся скорбь мира была в Ее глазах. Вся мудрость и все снисхождение. Вся строгость и вся любовь. Опустившись на одно колено, Она ласково коснулась его левой руки, затем провела по лицу, и боль немного отступила, затаилась, будто готовилась снова напасть. Но не сейчас, а немного погодя, когда Она уйдет.

Одним рывком Она поставила его на ноги и повела куда-то в лес. Готфрид спотыкался, но Она не давала ему упасть, он качался, но Она поддерживала его, он увязал в снегу, а Она тащила его. Он не знал, как долго это продолжалось, но рассвет еще не наступил.

Услышав звук охотничьего рога, Готфрид рухнул без сил. Она вновь склонилась над ним, поправляя волосы на его взмокшем лбу.

– Что... Что мне сделать... для Тебя? – спросил оруженосец, с трудом шевеля изувеченными губами.

Она не ответила. Только улыбнулась и бесшумно исчезла в глубине леса.

* * *

Правая рука невольно дернулась к левой культе, и тяжелая посеребренная цепь, тянувшаяся от запястья к оголовью меча, предательски звякнула. Первый из семи данных рыцарем обетов – никогда не расставаться с оружием – поначалу доставлял немалое неудобство и в бою, и в редкие мгновения мирной жизни, но довольно быстро Готфрид привык к кровавым мозолям на запястье и научился использовать цепь как оружие. Только жить с одной рукой он так и не привык и часто просыпался от того, что давно истлевшую левую ладонь жгло немилосердно. Тогда вспоминал о Ней, и боль уходила...

Рыцарь взял себя в руки и замер, вслушиваясь в окружающий мир, который с большим трудом можно было бы назвать Божьим. В лесу встрепенулась какая-то птица, громко захлопала крыльями и с короткими тревожными криками улетела во тьму, будто предупреждая тех, кого Готфрид намеревался отыскать. И с помощью Божьей и по Его повелению отыщет.

Словно в ответ на эти мысли в лесу завыл волк. Взвыл протяжно, уверенно, грозно, как в боевой рог затрубил. Рыцарь опять замер, прислушиваясь к застывшему в ужасе лесу. Даже деревья боялись шелестеть в присутствии своих хозяев. Не услышав ответного воя, Готфрид двинулся вперед.

Луна не спешила выглядывать из-за облаков, и потому рыцарь вновь и вновь спотыкался о корни, путался в кустах и здорово расцарапал ладонь о какой-то сучок, когда, продираясь через очередные заросли, пытался прикрыть лицо от веток. Готфрид решил не перевязывать; быстро он с этим не справится. Глубокая царапина, конечно, удручала – в бою меч мог ненароком выскользнуть из окровавленной руки, и тогда вся затея окажется провальной. Впрочем, за долгие годы рыцарь привык доверять своему оружию, и меч платил ему тем же.

Сориентировавшись по вновь показавшейся луне, Готфрид вышел на открытое пространство и наконец обнаружил то, что искал – то ли широкий ручеек, то ли узенькую речушку. Какой-то из притоков Двины, убежавший к северо-западу. Стараясь не шлепать

по воде и не подвернуть ногу на поросших мхом камнях, рыцарь ускорился, двигаясь против течения.

Вообще ливонские леса были густыми, труднопроходимыми и тянулись на многие дни пути. Кроме рек, никаких нормальных дорог здесь не было, а ориентироваться по деревьям и звериным тропинкам для того, кто здесь не жил, было задачей непосильной. А жили здесь матерые язычники, десятками истреблявшие людей у подножия священных дубов и не желавшие принимать святое крещение.

Орден братьев меча и братья святой Марии Иерусалимской⁹ больше двадцати лет пытались нести в здешние земли Слово Божье, но успехи по-прежнему оставались весьма сомнительными: едва удавалось крестить одних, как они тут же ополчались против других и требовали помощи; эти другие, на своей шкуре ощутив остроту и тяжесть рыцарских мечей, тоже принимали святое крещение и просили помочь против третьих, которые тем временем заключали союз с первыми, успевшими вернуться обратно в язычество. Орденские рыцари от таких событий постепенно свирепели и все чаще предпочитали крестить огнем и мечом, нежели водой и Духом, но поделаться со здешними жителями ничего не могли. Недавно даже решили обратиться за помощь к датскому королю и включить в хитросплетения местной политики еще одну серьезную фигуру, но Готфрид слабо верил в то, что этот шаг действительно поможет. Чтобы перековать местных на нужный лад, нужны не столько усилия, сколько время. И настойчивость в демонстрации истинности Христова учения, которое, по мнению местных жителей, не годилось для решения извечных проблем, связанных с лесом. Стоит только на половину дневного перехода отъехать от Риги, Зигвальда или Вендена и оказаться в тени здешних дубов, буков, грабов и осин, как попадаешь в абсолютно чужой мир, живущий по своим древним мрачным законам – кровью платить духам леса за защиту и покровительство. И встреча со всякими эстами, ливами, селами, пруссами (особенно с пруссами!) для одинокого чужака чаще всего заканчивалась одним и тем же – созерцанием священной листвы и перерезанным горлом. И рыцарь не льстил себе. Ни доспехи, ни опыт, ни меч охранить его от такой участи никак не могли. Могла лишь десница Божья.

«Продли милость Твою к знающим Тебя и правду Твою к правым сердцем, да не наступит на меня нога гордыни, и рука грешника да не изгонит меня!»

Готфрид не носил на одежде ни красного меча, ни черного креста¹⁰, хотя ему предлагали и то и другое. В конце концов, он нередко жил среди братьев обоих орденов, делил с ними пищу, так же ревностно вставал с ними на молитву и так же шел в бой, чтобы помогать людям, защищать веру и славить Господа¹¹, но дело его было другим. Ради Той, Которая спасла его самого, Готфрид фон Вааге, один из судей ордена Бедных рыцарей страданий святого креста Акрского, оберегал и праведных христиан, и нечестивых язычников, и весь род людской от тех, кто приходил из леса. Тех, кто был сильнее любого из простых братьев воинства Христова. Тех, от чьей ярости местные жители отгораживались реками жертвенной крови и горами человеческой плоти. Тех, чьи завывания сегодняшней ночью раздавались все чаще и все ближе.

«Несколько стай», – подумал рыцарь, прислушиваясь к разноголосой перекличке.

В последнее время оборотни все меньше таились, хотя нападать стали реже. Уходя, они оставляли много следов и все менее старательно прятались, будто сами хотели, чтобы их нашли. Или же просто торопились куда-то.

Рыцарь, двигаясь зигзагами с востока на запад, объездил все окрестные поселения, подвластные братьям меча, излазил все леса и перелески в попытке выследить тропы этих тварей.

⁹ Более известны как Орден меченосцев и Тевтонский орден. После серии военных неудач первого слились в один орден, названный Ливонским.

¹⁰ Эмблемы меченосцев и Тевтонского ордена соответственно.

¹¹ «Helfen – wehren – heilen» – девиз Тевтонского ордена.

Складывалось впечатление, что оборотни готовят что-то значительное. Настолько значительное, что Готфрид решил не посылать за помощью к братьям своего ордена, а вместо этого, не теряя времени, подняться от Вольмара по реке до залива, чтобы поговорить с местными жителями. Даже если ничего узнать не удастся, по морю рукой подать до устья Двины, а значит и до Риги, где в свите епископа Альберта¹² состояли другие Бедные рыцари. Они тоже могли что-то знать.

Одной рукой управляться с лодкой было невозможно, даже с помощью даров Господних. Оруженосцы у Готфрида не задерживались; их веры в Спасителя не хватало, чтобы служить Его делу с нужным рвением, поэтому они чаще всего оседали в орденских крепостях или попросту гибли в непрестанных боях с гостями из леса. Кто-то из здешних орденов в разговорах с язычниками был бы скорее помехой, чем подспорьем, поэтому волей-неволей пришлось взять с собой одного из крещеных латгалов, который правил лодкой, а заодно помогал объясняться с жителями прибрежных деревень. Может, еще на что-нибудь сгодится, кто знает пути Господни?

Здешние жители, чуть только завидев лодку, бросали дела и сбегались толпой на берег. Но как только люди замечали тех, кто сидел внутри, женщины забирали детей и уходили в дома, а мужчины брали в руки оружие. Нападать они, конечно, не спешили: никто не хотел на собственной шкуре оценить остроту рыцарского меча. А многие наверняка слышали о Готфриде, который за эти годы исходил столько лесных троп и породил столько слухов, что сам стал такой же легендой, как те твари, которых истреблял.

Хмурые люди пристально разглядывали кольчугу с капюшоном и длинными рукавами, одежду из некрашеного сукна и старые сапоги, явно прикидывая, сколько это добро может стоить. Как всегда, они удивлялись цепи, скреплявшей правую руку и меч, и цокали языками. Оружие вызывало особенную заинтересованность, словно люди только и ждали того момента, когда Готфрид решит его извлечь. Потерять трех-четыре человек в бою, чтобы получить хорошее оружие и броню – вполне выгодный размен. Только обычно никто не спешит первым внести свое имя в список этих трех-четырех... Впрочем, меч они так и так не получают.

Как только люди замечали обритую и безбородую голову, изуродованное безносое лицо с характерным шрамом от когтей и обрубков левой руки, кто-нибудь из жителей, очевидно, узнавший происхождение шрамов, давал грубый и настойчивый совет убраться из деревни до наступления темноты. Дальше отмели или причала рыцаря уже не пускали, а на все расспросы об оборотнях суровые бородачи предпочитали молчать и качать головой – мол, ничего такого не знаем.

Ночевать приходилось на берегу реки, что, впрочем, никаких особых неудобств не доставляло. Рыбу латгал ловил отменно.

* * *

Они появились сразу после заката.

Летнее небо было еще довольно светлым, но первые звезды уже робко высыпали на небесный свод, словно опасаясь, что дневное светило скоро вернется и не даст им возможности погулять по темно-синему полю.

Босоногая девушка, на вид лет тринадцати-четырнадцати, и два серебристо-серых волка, каждый из которых в холке доставал ей до маленькой, только-только проявившейся под платьем груди, почти бесшумно вышли из леса, с закатной стороны.

¹² Епископ Альберт фон Буксгевден был одной из самых ярких фигур в процессе германизации Прибалтики в начале XIII века. Его усилиями была основана Рига и объявлен крестовый поход против местных язычников.

Девушка легонько коснулась пальчиками темени одного из волков, и тот неспешно потрусил к лодочнику, спавшему сном то ли праведника, то ли человека, день за днем выполнявшего тяжелую и нудную работу гребца. Второй волк покосился на снятые рыцарские сапоги, которые после многомесячной носки стали крайне удобными, но совершенно не добавляли теплему ночному воздуху благоухания, брезгливо фыркнул и улегся на землю, положив узкую морду на передние лапы и уставившись на Готфрида немигающим взглядом холодных светло-голубых глаз.

Рыцарь немного привстал, снял с угляй палочку, на которую была нанизан один из только что пожаренных лещей, и, вновь усевшись на сложенный плащ, принялся аккуратно ее обглаживать, то и дело выплевывая мелкие косточки, которыми так славится речная рыба.

«Хороший лещ. Жаль, нет к нему ничего», – подумал Готфрид, уже порядком забывший о такой роскоши, как свежий, ароматный ржаной хлеб с хрустящей корочкой. Соли тоже не было.

Девушка, застывшая в отдалении и внимательно изучающая нехитрое расположение их пожитков, была Готфриду незнакома: тоненькая, как осинка, стройная, в простом сером платье без пояса, у ворота и на рукавах расшитом замысловатыми узорами-оберегами красного, синего и зеленого цвета. Голова не покрыта, в светлые волосы вплетено несколько бусин, которые посверкивали при каждом повороте головы. На шее на простой бечевке красовалась искусно сделанная лунница из бронзы. Но завораживал ее взгляд – глубокий и пронзительный, буквально вынимающий душу, но вместе с тем теплый и сочувственный. Такой же, как у Нее. Впрочем, сходство искать едва ли стоило. Все девушки на земле были чем-то на Нее похожи. И все чем-нибудь отличались.

– Зачем ты ищешь нас, меченый? – спросила наконец гостя, неуверенно сделав в его сторону пару шагов.

Рыцарь бросил обглоданный скелетик в костер, сплюнул мелкую косточку, застрявшую в зубах, и потянулся за новой рыбой. Отчасти для того, чтобы потянуть время, – нападать стая явно не собиралась, но что им было нужно, пока не ясно, – а главным образом для того, чтобы скрыть удивление: девушка-оборотень говорила на чистой латыни, выучить которую в здешних лесах было попросту не у кого.

– Я ищу не вас, – ответил Готфрид, делая приглашающий жест в сторону жареной рыбы.

– Тогда кого? – резко бросила девушка, игнорируя приглашение. Впрочем, рыцарь не слишком надеялся, что они разделят с ним трапезу. По правилам язычников это означало бы крайнюю степень доверия, вплоть до запрета на убийство, а на такое оборотни пойти не могли. А вот рыцарь мог. Конкретно этих тварей и прямо сейчас он убивать не хотел.

Волки стояли напряженно и не спускали с людей глаз, что Готфрида изрядно забавляло. Как бы они не перенервничали...

– Тебе нужна слава? – возобновила допрос девушка.

Рыцарь хохотнул и тут же пожалел об этом, поперхнувшись рыбой.

– Смерть?

Готфрид покачал головой, пытаясь прокашляться. Серьезность разговора этим обстоятельством была явно смазана.

Восстановив дыхание, рыцарь сразу перешел в контратаку:

– А старшие знают, что вы пришли ко мне? Не бойтесь, что я пойду по следам и накрою ваше сборище?

Тот волк, что был ближе, угрожающе ощерил зубы. Острые, еще не истершиеся. Зубы волчонка, а не матерого охотника.

– Ты убил несколько стай, но на всю летнюю сходку тебя одного не хватит, – гордо вскинулась девушка.

Так, уже кое-что. Стало понятнее, с чего вдруг такой наплыв оборотней в эти края.

– И с чего ты решила, что я один?

Волки инстинктивно дернули ушами, а девица, потеряв самообладание, огляделась по сторонам, явно не понимая, в чем подвох. Ситуация забавляла рыцаря все больше.

Главное, не спровоцировать их на глупости: в том, что он сумеет убить троих щенков, рыцарь не сомневался. Оружия у них не было, а клыки и когти против Готфрида – не оружие. Тихо лежащий в ножнах меч тоже так думал. Но спешить с этим убийством совершенно не стоило. Вдруг у волчат удастся выудить что-нибудь еще.

– У тебя есть самка? Дети? – спросила девушка, сделав еще пару шагов вперед.

Готфрид отрицательно покачал головой:

– Нет и не было.

– Это твой ученик? – спросила девушка, указывая на посапывающего латгала, который по-прежнему спал без задних ног. Умаялся.

– Нет. Были, да все умерли, – ответил рыцарь, улыбаясь.

Видимо, эмоция на изуродованном лице произвела на щенков нужный эффект: тот, что лежал ближе к рыцарю, вскочил на лапы и, пригнув уши, ощерил пасть. Но девушка только улыбнулась и сверкнула глазками.

– Ты хоть и крепок, но уже стар, меченый, – продолжила она, странно растягивая слова. – После тебя не останется жизни: ни детей, ни тех, кого ты воспитал. Ради чего ты существуешь на земле?

Готфрид ответил. Себе, не ей.

Девица странно посмотрела на него, и рыцарь вдруг ощутил внизу живота неодолимое желание. Ему захотелось накинуться на девушку прямо здесь и сейчас, на глазах у других оборотней. Содрав с нее платье, безоглядно, дико и яростно совокупляться у костра...

Воспоминанием о Ней Готфрид подавил желание, а вслух сказал, медленно подбирая ноги под себя:

– А ради чего живет ваша стая? Ради чего вы заявили к меченому, убийце стай, всего троим? Завести от меня детей? Увещевать? Заключить перемирие? Биться?

– Ты понятия не имеешь, за что и против кого мы бьемся. Все вы живы только потому, что есть мы, – в раздражении топнула босой ножкой девушка-оборотень. – Потому что мы – стражи жизни.

– Ну да, – скривился рыцарь. – И конечно, исключительно для спасения моей жизни вы несколько ночей подряд крались вдоль берега, выжидали, высматривали других рыцарей и, когда убедились, что больше никого нет, решили заявиться прямо сюда, гордые и самоуверенные. Или попросту трусливые? Целая стая на одного меня, такого старого и ничего не понимающего!

Девица сдвинула светлые брови и сжала кулачки. Один из волков угрожающе зарычал, но Готфрид уже вошел во вкус:

– Смерть или слава, да? Принести на сходку голову меченого или пасть в бою за собратьев? Но сначала зачем-то почесать языком... Для самооправдания?

Твари потихоньку зверели – шерсть на холках вздыбилась, а лапы напряглись до дрожи, но болтовня дарила драгоценные мгновения, которые рыцарь тратил самым эффективным образом – наматывая цепь на кулак.

Оба волка прыгнули одновременно, как по команде. Первый – к горлу зашевелившегося от шума гребца, второй, взяв короткий разбег, в сторону рыцаря. Две предсказуемые ошибки.

Готфрид хорошо видел летящую к нему серебристо-серую молнию и коротко хлопнул по ней открытой ладонью, сбивая в сторону разъявленную пасть. Оборотень боком врезался в рыцаря, как в дерево, коротко мотнул головой и покачнулся на лапах, потеряв ориентацию. Ожидаемо попался на самое распространенное из благословений Бедных рыцарей: того, кто твердо стоял в христовой вере, сбить с ног было невозможно даже тараном.

Почувствовав, как его немощное тело мгновенно переполняется бесконечной Божественной силой, Готфрид ударил кулаком вниз, с громким хрустом сокрушая хребет истошно взвизгнувшей адской твари, словно молотом, и тут же отскочил в сторону, пропуская второго волка, чьи окровавленные челюсти лязгнули в опасной близости от его босых ног.

Недолго думая, Готфрид упал вперед, придавливая серебристое чудовище к земле. Оборотень задергался, замолотил лапами по земле и вывернул голову, силясь укусить рыцаря. Тот успешно воспользовался последним обстоятельством, накинув цепь на волчью шею.

Раздалось явственное шипение, тварь завизжала, ощутив на шее ожог от ненавистного металла, и конвульсивно забилась в захвате. Пришлось обхватить волка ногами, прогнуть спину и даже помочь себе левой культей, довершая начатое. Будь цепь прикована к обычному мечу, трюк не сработал бы, но святой клинок прочно сидел в ножнах и покидать их по-прежнему не собирался...

Когти еще пару раз полоснули по воздуху, не причинив рыцарю никакого вреда, и тварь затихла.

Готфрид вскочил на ноги, по-прежнему удерживая перед собой обмякшего оборотня, медленно возвращающегося в человеческий облик. Благо, щедро дарованной Господом мощи на это с лихвой хватало.

Девушка уже успела перекинуться в кошмарную боевую форму, но в бой не вступила, присматриваясь к Готфриду. Разумная предосторожность. Теперь, наклонившись к земле так, что левая передняя лапа доставала до земли, она решала, как лучше атаковать. От былой subtilности не осталось и следа: серебристо-серая шерсть покрывала бугрящиеся мускулы, а плечи своей шириной могли поспорить с телегой.

Адская тварь прыгнула, стремясь располосовать рыцаря чудовищными когтями, но тот, бросив тело ее собрата, шагнул вперед и в сторону, оказался сбоку и крепко двинул оборотню по ребрам. Раздался явственно слышимый хруст.

Боли чудовище, похоже, не ощущало, поскольку, развернувшись на месте, дважды хлестнуло длинными лапами. На месте инквизитор, естественно, не стоял, но уклониться тоже не успел: кольчуга на животе лопнула, распоротая скользящим ударом. Будь на его месте кто-то другой, его бы таким ударом выпотрошили, как рыбу. Но с Готфридом такой трюк не пройдет...

Оборотень, не понимавший, почему человек еще не выронил собственные внутренности, попытался развить успех, но не смог, хотя старался изо всех сил. Силуэт волчицы буквально расплывался в глазах рыцаря, он чувствовал, что совершенно не успевает за противницей, и она тут же достала его еще раз. Но это его несколько не смутило: милостью Божьей тело рыцаря было неуязвимо для когтей, клыков, жал, ядовитых хвостов, щупалец и другого оружия слуг сатаны. Другое дело сталь – от нее рыцарь носил кольчугу.

Волчица металась вокруг с такой скоростью, что Готфрид едва успевал за ней следить. Броня быстро превращалась в лохмотья, но в боевом умении рыцарь намного превосходил адскую тварь, поэтому вскоре начал разгадывать ее маневры, раз за разом доставая чудовище ударами кулака, на который была намотана посеребренная цепь.

Бедро. Плечо. Живот.

Искалеченная, не понимающая, почему человек все еще жив, тварь двигалась неуклюже, ее атаки становились все более медленными и размашистыми. Рыцарь постепенно заводил ее на мелководье, где двигаться было еще труднее. Разгадав замысел инквизитора, она отчаянно прыгнула, силясь порвать его зубами, но именно этого Готфрид и ждал. От мощного удара снизу челюсти лязгнули, как замковая решетка, и чудовище, стремительно уменьшающееся в размерах, навзничь рухнуло в реку.

Рыцарь тут же подскочил к ней и привычным движением накиннул цепь на тонкую девичью шею. Теперь она не могла стать зверем, иначе серебро сожжет ей глотку, а бороться с рыцарем в человеческом облике – это даже не смешно.

Похоже, тварь потеряла сознание, иначе она бы что-нибудь предприняла. Рыцарь слегка притопил ее, чтобы привести в чувство, и, получив пару шлепков от слепо размахивающих рук, приподнял над водой. Из-под мокрых спутанных волос на него смотрели глаза. Глубокие, как небо, и добрые, как у Той, о ком инквизитор думал все эти годы. И эти глаза отчаянно молили о пощаде.

– В ночь солнцестояния, верно? – прохрипел Готфрид, которому все эти прыжки дались нелегко. Девушка была права; сорок три года для Бедного рыцаря – глубокая старость. Столько не живут.

Девушка непонимающе нахмурилась.

– Ваша сходка через две ночи, на солнцестояние, – разъяснил рыцарь свою догадку. – Где?

Готфрид немного ослабил цепь, и девица с трудом произнесла в кровь разбитым ртом:

– Иди на закат к широкому ручью... Там, в верховьях...

Их взгляды снова встретились, и рыцаря опять как ножом по сердцу резанули.

«Только ради Нее...»

Не узнавая себя, рыцарь снял цепь и отшвырнул девчонку в воду. Та, мокрая, как мышь, не стала менять облик, а попросту нырнула в реку и ушла на глубину. Где она вынырнула, Готфрид не увидел.

Он окинул взглядом побоище, коротко помолился, поблагодарив Господа за дарованную победу и задумался над тем, как лучше устроить погребение щенячьей глупости.

* * *

Ночная тишина рухнула, разрезанная непрерывными завываниями. На этот раз гораздо ближе, но все еще далеко впереди. Кто-то коротко завыл прямо за спиной, шагах в тридцати-сорока, не больше.

Прислушавшись, Готфрид уловил ритмичный плеск воды и тут же метнулся вправо, где темнел широкий овраг. Спрятавшись в распадке и стараясь успокоить дыхание, рыцарь лежал, обратившись в слух. Главное сейчас – не спугнуть.

Плеск раздавался все ближе и ближе.

Шлеп-шлеп-шлеп-шлеп – трусил волк по мелководью. Еще миг – и светлая вытянутая тень откликнулась на новые требовательные завывания, метнулась, ускоряя бег, и исчезла за поворотом ручья. Подождав на всякий случай еще некоторое время, Готфрид тихонько выбрался из оврага, стараясь не шуметь, и тут же рухнул на землю, придавленный навалившейся на спину мохнатой тяжестью.

Ловко она его провела!

Мощные лапы с треском и звоном рвали кольчугу и поддоспешник, а вес твари не давал перевернуться на живот. Вот только оружия у оборотня по-прежнему не было, а значит, вся звериная хитрость была напрасной...

Готфрид заорал, как оглашенный, а потом затих, прикинувшись мертвым. Дождаясь, когда тварь слезет со спины и решит проверить, жив ли он, рыцарь задержал дыхание.

Ощувив смрадное дыхание возле своего лица, воин внезапно выбросил вперед руку, заталкивая оборотню кусок цепи прямо в раззявленную пасть. Монстр попытался отшатнуться, но рыцарь бросился вперед и навалился сверху, используя мощь Божьего благословения. Не обращая внимания на отвратительное шипение и утробный вой твари, продолжал жечь вертящуюся зубастую пасть серебром, все глубже, и глубже, и глубже погружая кулак с цепью в воняющую разложением глотку. На холке оборотня блеснули стеклянные бусины...

Светловолосая девушка лет тринадцати-четырнадцати, раскинувшаяся на дне распадка, смотрелась нелепо. Порванное платье, спутанные волосы, расцарапанные руки, судорожно сжимавшие землю, непонимающие глаза, разорванный рот и вывернутая нижняя челюсть... Казалось, что она умерла от чрезмерного удивления, пытаясь раскрыть рот шире, чем позволяла природа.

Готфрид содрал с себя пришедшую в полную негодность кольчугу, скинул остатки поддоспешника, вновь опоясался мечом и поцеловал простое кипарисное распятие, покачивавшееся на крепкой бечевке.

«Если бы не Ты, меня бы здесь не было», – подумал рыцарь и опустил веки девушке-оборотню.

* * *

Волк взял очень высоко. Тянул долго, с хрипотцой и раскатистыми переливами, но на одной ноте. Выдохся и стал затихать, но тут же подхватили другие. Тембром пониже, но с теми же переливами.

«Как на мессе», – подумал рыцарь и тотчас услышал, как зашелестели листья. Будто ветер подул, хотя никакого ветра не было.

С чавканьем и скрежетом деревья и кусты вынимали из земли змеившиеся корни, которые, зажив самостоятельной жизнью, ползли куда-то в сторону, стелясь, будто женские волосы по воде. Ветви ходили ходуном и надсадно скрипели. Сверху падали сухие сучья, один с глухим звяканьем отскочил от шлема. От заполошного птичьего крика заложило уши.

Готфрид знал, что у оборотней особые отношения с лесом, но такое видел впервые. Деревья вперевалку уходили прочь от того места, где продолжали многогласно завывать несколько волчьих стай.

«Да сколько же их там?!»

Рыцарь побежал вперед, попробовал проскочить вперед между стволами, но тут же споткнулся и едва не угодил под узловатый пень, прыгавший, как гигантская лягушка. Встал на ноги, повернулся боком, чтобы впритирку протиснуться между стволами. Чудом уцелел, ободрав живот, увернулся от рухнувшего вниз полена, внезапно забывшего, что оно идет вперед, присел, пропуская над головой какую-то тень, выпрямился и тут же получил хлесткий удар крепкой еловой веткой. Хорошо, что в грудь, а не в лицо, иначе без глаз бы остался.

Лес в прямом смысле ходил ходуном, и рыцарю требовалось применить все свое боевое умение, чтобы уцелеть. Шаг вперед, два назад, прыжок, поворот... Он еще пару раз метнулся из стороны в сторону, как заяц, и вдруг понял, что уже стоит на опушке.

Перед взором инквизитора предстала огромная и довольно ровная поляна, на которой стояли, сидели и лежали около сотни косматых чудовищ. Кто на двух, кто на четырех лапах, одни в виде волков, другие в боевом облике, но в человеческом обличье не было никого.

Они были разделены на два неровных строя. Те, что стояли слева, были всклокоченными, темно-коричневыми. Именно они выли, задрав к небу морды.

Когда они окончили свой переливчатый вой, их вожак, сутулый, с длинными передними лапами и большим ярко-красным пятном на загривке, полоснул себя когтями по груди и сделал широкий стряхивающий жест. В тот же миг на его шкуре заплесало адское пламя, быстро покрывшее все тело. Но боли оборотень явно не чувствовал. Чудовищный костер сделал пару шагов на задних лапах, опаливая траву и цветы, и его собратья одобрительно завывали.

Те оборотни, что стояли справа, были такими же серо-серебристыми, как те щенки у реки. Их было несколько больше, чем темно-коричневых, и в их лапах было оружие – мечи, копыя, секиры, у некоторых щиты.

«Плохо дело!»

Предводитель серебрястых ударил копьём по воздуху, коротко и мощно взревел, и внезапно поднявшийся ветер сверхъестественно быстро разметал все облака на небе. Поляну теперь озаряло не только жуткое пламя темного вожака, но и ровный серебряный свет луны. Шкуры многих светлых тоже засветились серебром.

Их вожак метнул свое копьё куда-то во вражеский строй и резко, без всякого предупреждения прыгнул на горящего оборотня. Остальные не стали дожидаться окончания поединка; две армии тьмы с лаем, визгом и ревом бросились друг на друга в беспощадной борьбе за охотничьи уголья, самок или просто кусок леса.

«На всю летнюю сходку меня действительно не хватит...»

Меч сам вылетел из ножен и лег в руку. В клинок были вкованы частицы гвоздя, которым был прибит к кресту Спаситель, в рукояти – мощи святого мученика Георгия. Лезвие покрывали святым миром и три ночи выдерживали над мощами святого Бонифация. Другого такого меча во всей вселенной не было.

Реликвия была настолько мощной, что никакой силой ее нельзя было извлечь из ножен – меч сам решал, когда следует помогать рыцарю. Можно было подождать, когда слуги дьявола истребят друг друга сами, но медлить и прятаться было не в обычаях Бедных рыцарей. Сейчас надо было просто идти к Ней. Твердо и уверенно, как всю жизнь до этого часа.

Готфрид повернулся к темнеющей шеренге застывших деревьев и воздел клинок над головой.

– *Встаньте, давшие клятву, и препояшьте чресла ваши истиною!*

Едва не сорвавшийся от громкого крика голос, отраженный от деревьев, откликнулся эхом, которое не смогли заглушить ни лязг металла, ни душераздирающие вопли чудовищ, вгрызавшихся друг другу в глотки.

– *Облекитесь в броню праведности,* – мощно прогудел из-под глухого шлема неизвестный рыцарь в хауберке. Настоящий великан! Кольчуга на груди едва не рвется.

– *Обуйте ноги в готовность благовествовать мир,* – хрипло произнес граф Эбергарт фон Зеевальд, двадцать лет назад павший от рук пруссов.

– *Возьмите щит веры, которым можете угасить все раскаленные стрелы лукавого,* – хором продекламировали трое рыцарей с тамплиерскими крестами, перекидывая треугольные щиты со спины на руку.

– *И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие,* – возгласил плечистый стрелок, накладывая стрелу на тетиву.

– *Примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злый и, все преодолев, устоять!* – нараспев произнесли две дюжины голосов.

Перед Готфридом стояли воины в белоснежных одеждах. Их кольчуги и шлемы блестели, щиты искрились золотом, а клинки сияли ярче солнца. Клятва Бедных рыцарей была крепче объятий смерти, тверже могильного камня, прочнее вражеской стали. Две дюжины братьев снова вышли на бой, потому что смерть для рыцаря – не повод не идти в атаку. Каждый из них клялся в том, что сможет выйти на поле Армагеддона для последней битвы. И каждый знал, что любая битва со злом – последняя, а поле Армагеддона – шире всей земли.

Пятерка лучников встала на фланге, готовясь по команде выпустить стрелы. Могучий рыцарь поднял свой щит и встал в один строй с тамплиерами. Эбергарт обнажил меч и чуть заметно подмигнул Готфриду. Все ждали только одного...

– С нами Бог!

Рыцарь снова вскинул клинок к небесам.

– С НАМИ БОГ! – грянуло Небесное Воинство так, что земля содрогнулась.

Готфрид обернулся к врагам, которые, привлеченные боевым кличем, уже разворачивались в его сторону. Как на крыльях, долетел до неровного строя оборотней и первым врубился в мельтешение серебрястых и темно-коричневых шкур.

Полуголый, с перекошенным от праведного гнева лицом, Готфрид в одиночку метался среди врагов. Он хлестал чудовищ цепью так же, как Господь бичевал осквернителей иерусалимского храма. Он разил их мечом и повергал могучими ударами наземь, как архангел Михаил повергал восставшие на Бога легионы тьмы. А на поле боя спускались все новые и новые воины в белоснежных одеждах...

* * *

Готфрид фон Вааге лежал на спине и смотрел на щербатую луну, которая злорадно скалилась ему с медленно светлеющего небосклона. Ног и рук он не чувствовал. Чувствовал только, как из него толчками вытекает жизнь. С каждым невольным подергиванием в истерзанном теле, с каждым хриплым вдохом и с каждым ударом сердца.

Было страшно холодно.

Вокруг царила полнейшая тишина, даже в ушах звенело. Только воздух с клекотом вырывался из горла, надувались и лопались на губах кровавые пузыри. Дышать было все труднее. Будто ночной воздух стал тяжелым, как камень, и все сильнее давил на грудину.

Рыцарь попытался перевернуться на бок. Не вышло. Собрался с силами, рванулся, и снова не вышло. Перевернулся только с третьей попытки. Увидел перед собой оскаленную волчью морду и оттолкнул ее в сторону.

Сплюнул, подобрал под себя ноги, уперся рукой, пробуя подняться, но сил не хватило, и он рухнул на щедро политую своей и вражеской кровью землю. Дышать стало еще труднее.

Тогда он подтащил к себе за цепь клинок и, опираясь на меч, нечеловеческим усилием встал на одно колено, загнав лезвие в землю почти по рукоять.

Отдышаться уже не мог. Распрямиться тоже. Тело больше не слушалось.

Поднял взгляд и увидел, что все они стояли на поле боя. Все в тех же незапятнанных одеждах и с тем же сияющим оружием. Огромный рыцарь снял шлем и кивнул, тамплиеры отсалютовали мечами, командир лучников уважительно поклонился, граф Эбергарт одобрительно хмыкнул.

А мимо воинов в сверкающей броне, мимо человеческих и волчьих трупов, мимо переломанного оружия и расколотых щитов шла Она.

Он мечтал увидеть Ее все эти тридцать лет. Только увидеть, потому что знал, что Она всегда была рядом. В девственно-белом одеянии и с короной на голове. Обетование пророков, радость мучеников, надежда грешников. Царица Небесная. Подошла и протянула к нему руки. Так же, как к своему Сыну.

– Ра... Ради Тебя... – прохрипел рыцарь, грудью повисая на рукояти и понимая, что ничего больше в этой жизни сказать не сможет.

– Я знаю, Готфрид, – ответила Она, улыбнулась ему той самой, первой улыбкой и нежно поцеловала в лоб.

История третья. Братья

Запах разнотравья медленно плыл в тягучем, как мед, воздухе. Середина июня, а летнее солнце уже вошло во вкус и раскалило землю так, что ступать босыми ногами было горячо. Насекомые по обеим сторонам дороги стрекотали как безумные. То ли кузнечики, то ли цикады, Вальтер их не различал.

Они шли по земле ландграфа Гессенского, гораздо более богатой городками, городишками и замками, чем предгорья Гарца, но сегодня, как назло, никакого поселения им не встретилось, а есть очень хотелось. По ощущениям, день должен был уже клониться к вечеру, а парило, как в полдень.

– Ты когда-нибудь любил, Йост? – спросил музыкант, отирая пот со лба.

– Ну ты хватил, дружище! Кто ж не любил-то? – тут же откликнулся шут. – Даже графиню однажды в винном погребе...

– Да я не про то, – перебил Вальтер, поморщившись. – Ты никогда не думал, что та любовь выше, в которой похоти меньше? Одно дело, когда ты всегда можешь прикоснуться к женщине, живешь в одном доме с ней, спишь в одной постели. Какая-то привычка тела, а не любовь. Другое дело, когда ты увидел однажды женщину и полюбил ее больше жизни. Как встретишь, так посмотришь на нее боишься. А уж если она с тобой заговорит, то ты уже на седьмом небе. Молчишь, спугнуть свое счастье боишься. А если ты вообще никогда женщину не видел, а любишь всем сердцем? Если всю жизнь пронести это чувство, с трепетом, осторожно, не расплескав – на Страшном Суде, должно быть, зачтется?

– Дудки, дружище! – уверенно возразил шут. – Дуреешь без бабы, вот и все дела. Ну представь, что сидишь ты в комнате, уже без одежды. Подготовился, значит. Она же тебя не вышивать позвала, верно? Пожалуй, даже с завязанными глазами сидишь, чтоб тебе попроще оценить было. Так вот, ждешь ты и знаешь, что она уже тут, в комнате. Вошла потихоньку, но задвижкой щелкнула, чтобы ты был в курсе. Шелест платья слышишь, запах духов. А она, бестия, специально тебя дразнит: то поближе подойдет, то подальше, то коснется вдруг, то хохотнет лукаво из дальнего угла. Ты крутишься, конечно, ловить ее пытаешься, а она в руки не дается. Играет так с тобой. И вот когда ты уже взвять готов, вдруг решительно прильнет к тебе и начинает целовать, долго так, сладко. Ты судорожно развязываешь шнуровку, потому что нет у тебя больше никаких сил ждать. Пройдешься по ее трепещущей плоти и окончательно потеряешься в ароматной долине наслаждений, гладкой, как атлас, и теплой, как парное молоко. Она прижмется еще ближе, голову запрокинет и коротко вздохнет от удовольствия. Тогда твои руки сами потянутся к ее юбкам. Отыщешь там, под складками, упругие бедра, легонько сожмешь, погладишь. Она задышит часто-часто или томно застонет, обхватит тебя руками за шею и плавно ляжет на спину, утягивая и тебя за собой. Миг-другой, и ты уверенноходишь в рай...

Шут рассказывал так живо, что Вальтер невольно сглотнул.

– И что? – продолжал Йост. – В какой момент ты начнешь думать о прекрасной даме, которую ни разу в жизни не видел? Не смей меня, а себя не обманывай! С такой задачей никто не справится.

– Можно справиться, – возразил Вальтер. – Если не ходить к женщинам.

– На выступлениях нам пора поменяться, – серьезным тоном заявил шут.

– Это почему? – нахмурился музыкант.

– Потому что ты сегодня в ударе! – захохотал Йост. – Бывал в Гамбурге? Любеке? Амстердаме? Любой моряк любого порта подтвердит тебе, что через месяц плавания готов разрядить свою аркебузу хоть в кобылу, хоть в козу. Даже в индейку, если совсем прижмет. А сойдя

на берег, все моряки идут хоть и в разных направлениях, но с одной и той же целью. И портки снимают чуть ли не на сходнях.

– Но ведь есть те, кто смог? – не сдавался Вальтер. – Переборол как-то, нашел силы...

– Нет, дружище. Даже старики и евнухи этого хотят. Все живые существа размножаться должны. Это ж природа! А переть против природы – все равно что против ветра дуть, чтоб он направление сменил.

– Не знаю... – стушевался Вальтер. – Может, у женщин все как-то по-другому?

– Да как по-другому, дружище? – снова засмеялся шут. – Слышал выражение «сварлива, как старая дева»?

Где-то вдалеке бухнул гром.

«Сильно парит, – подумал Вальтер, вновь отирая пот. – Полюет скоро.»

– Кстати, рыцарь целомудрия, ты мне так и не сказал, сколько раз ты посетил сад наслаждений с той ведьмой?

– Она не ведьма! – отрезал музыкант и добавил, стараясь говорить непринужденно: – С чего ты вообще решил, что я с ней был?

– Да с того, что, как я ни спрошу, ты мямлить начинаешь и краснеешь, как рак в кипятке! – хохотнул Йост. – А перед этим несешь чушь о любви к какой-то невиданной деве.

Гром ударил вновь. Опять бухнул вдалеке, коротко, без раскатов. Насекомые продолжали надрываться в придорожной траве.

– Может, когда-нибудь давно жил на земле такой человек? – не сдавался Вальтер. – Всего один человек, Йост, для которого любовь не была бы похотью. Если бы мы о нем доподлинно знали, это... Это все бы изменило!

– Сейчас докажу тебе обратное, мой восторженный друг.

Шут сильно потянул музыканта вперед, через несколько шагов схватил за руку и приложил ладонью к горячей от летнего солнца и местами выщербленной древесине. Это был обычный крест из тех, что обычно ставят на перекрестках или в людных местах.

– Вот, знакомься, – торжественно объявил шут. – Спаситель мира, мертвый Сын Бога Живого, путь, истина и жизнь. Он попробовал научить всех никому не ведомой небесной любви, и чем все закончилось? Обычной земной.

– Как это? – не понял Вальтер.

– Тебе не кажется, что Ему чего-то не хватает?

Вальтер приложил к распятию и вторую руку и несколько раз провел по фигуре Иисуса. Не было головы, рук и ног. Только торс, да и тот с какими-то зарубками. Все изображение было изуродовано.

– Благочестивые жители Германии считают, что придорожные распятия хорошо помогают от беды, поэтому всегда стараются носить их с собой. Частями. Мол, имеешь при себе голову – убережешь голову, руку – не будешь ранен в руку, – пустился в объяснения Йост. – Я, дружище, не видел ни одного целого распятия на перекрестках. Зато видел на рынках в Нюрнберге, Ульме и Меннингене такие куски дерева по пять, по семь и даже по десять батценов¹³ за штуку.

– На чем только люди не наживаются, – покачал головой Вальтер. – А причем здесь похоть?

– А при том, что дороже всего стоит часть набедренной повязки. Улавливаешь смысл? Один стареющий золотых дел мастер на моих глазах купил такую за два гульдена радиобретения мужской силы. Вот тебе и вся божественная любовь.

¹³ Серебряная монета, 15 батценов составляли 1 гульден. Чтобы было проще представить, какую стоимость имели 10 батценов в те времена, скажем, что годовой доход поденщика составлял 2 гульдена, если очень сильно повезет.

Очередной удар грома прозвучал странно. Два удара, в конце еще один. Никаких раскатов. Еще удивляло то, что обычный для летних бурь ветер и не думал подниматься. Щебета ласточек и стрижей Вальтер тоже не слышал.

– Может, спрячемся куда-нибудь? Сейчас ведь вымокнем до нитки.

– На небе ни облачка! – отмахнулся шут. – Зато я вижу крепость на холме и дым, который от нее поднимается. А значит, где-то поблизости пушки, маркитанты, обозные проститутки, голодные дети, наемники и жулье всех мастей. Одним словом...

– Война?

– Деньги, дружище. Флорины, гульдены, дукаты, крузаты и талеры. Те, что сияют ярче солнца, звенят радостней свадебных колоколов, а на вкус мягче вафель. Альфа и омега, начало и конец.

– Не думаю, что с нами поделятся, – засомневался Вальтер, несколько раз сталкивавшийся с исключительно мерзким нравом военного люда. Последнее из таких столкновений закончилось для флейтиста в корыте, из которого поили свиней.

– Не переживай, дружище, скоро разживемся! – подбодрил его Йост. – Военные любят деньги, а деньги их – нет.

* * *

– В Ломбардию что ли?

– Нет, в Лотарингию идут! Тамошнего короля воевать!

– Там разве не герцог?

– Да какая разница? Все равно из нашей кошны уплачено!

– Орехов надо кому?

– Мне отсыпь.

Вдоль дороги колыхалась целая река из людских затылков. Покрытые и непокрытые, в платках и в шляпах, лысеющие и кудрявые, с длинными волосами и с короткими – все бежали к дороге, и теперь качались из стороны в сторону, поднимались на цыпочки и опали вниз, пытаясь высмотреть что-то особенное, но в основном только загораживали друг другу обзор и снова начинали колыхаться.

На взгляд мальчика, ничего интересного на дороге не было. Какие-то пушки везут, вон лошади как напрягаются! Рядом люди верхом едут – пушкари, наверное. Одежда у них не очень. Вот раз мимо герцог проезжал, у него люди – это да! В черно-желтых ливреях, с красивым оружием. А эти чего? Какие-то топоры, молотки... Такого добра и в деревне полно.

Вальтер сидел хорошо, и поэтому все-все-всешеньки видел. Вон Лукас к дереву бежит, ну и дурак! Дерево от дороги далеко – ничего оттуда не углядит. А вон Якоб карабкается на крышу сарая. Ох, лишь бы его пивовар не увидел! Это его сарай, и Вальтер сам слышал, как пивовар обещал вставить оглоблю в дыру тому, кто в тот сарай полезет. В какую именно дыру вставит, Вальтер не знал, у Якоба вся крыша в дырах после зимы. Но как же они жить-то будут с оглоблей, которая прямо внутри дома торчит?

– Мам, тебе не тяжело? – спросил мальчик, наклоняясь вниз.

– Да сиди уже! – резко ответила мать, подбросившая его чуть повыше. – Всю жизнь на моей шее!

Смотреть было нечего, поэтому Вальтер снова прислушался к разноголосому гомону.

– Они за императора воюют?

– За герцога нашего!

– Да им все равно!

– Точно! Всегда сами за себя! Лишь бы им платили!

– Мам, а хочешь, я тебе рассказывать буду? – вновь спросил мальчик.

– Я вижу, не беспокойся! – пропыхтела снизу мать. – Ты, главное, сам смотри!

На что смотреть, мама не уточнила, но мальчик послушно разглядывал телеги, накрытые холстиной, и людей, ехавших на козлах. На его, Вальтера, взгляд, ничего примечательного ни в телегах, ни в людях не было. Где-то далеко пели песню:

*Наш кайзер Карл тут узнал
Что армию француз собрал,
Чтоб замки стойкие пленить
И Верхнюю Бургундию
Чтобы дотла спалить.
Он известил о том господ,
Из Оберланда в тот поход
Пришла большая сила:
Ландскнехты тоже были там,
Их всех война взрастила.*

– О! Слышите? – завопил кто-то гнусавым голосом. – Маршируют герои! Защитники империи! Да здравствует император Карл! Да здравствуют храбрые кнехты!

– Бездельники, трепачи и воры! – ответил ему деревенский кузнец. – Девоч бесчестить, вино пить да песни орать – вот и вся их доблесть!

– Мам, а кто это? – спросил Вальтер, снова свешиваясь вниз.

– Да не ерзай ты! – вспыхнула мать. – Сейчас сам все увидишь.

Десятки мужских глоток продолжали нестройное, но очень задорное пение, слышать которое становилось все легче:

*Итак, переместились все
Под город, что звался Мезьер.
Его мы обстреляли —
Взлетел на воздух больверк весь —
Ух, как там осерчали!
Дома от выстрелов горели,
И камни вниз со стен летели,
Ворота мы разбили —
«Немало рухнуло дверей»,
Как многие шутили.*

По дороге теперь шагали мальчишки. Кто-то его, Вальтера, возраста, а большинство постарше. Одни волочили длиннющие пики, другие гордо несли на головах шлемы, которые им были слишком велики, третьи держали на плече мечи. Двое несли алебарду наперевес: один – за тупой конец, второй – у самого лезвия, за окованную часть древка.

Вальтер никогда оружие в руках не держал и тоже захотел с ними. Наверное, для этого надо еще немного подрасти.

– А чего это они детей вооружили? – спросила мать Якоба.

– Да не, – ответил кузнец, – это их, кнехтская, бишь, сбруя. Только в походе сами не таскают – им-де зазорно себя до битвы утруждать! И шанцы не роют, все баб своих заставляют.

– Зато как в бою стоят, молодчики! – разорвался гнусавый. – Из аркебуз пальнут, потом пиками ошестинятся, и в атаку. Строем ходят в ногу, слитно, как один человек! Никому спуску не дадут!

– А швейцарцы?

– Не, наши посильнее будут, – ответил трактирщик. – Всех бивали: и французов, и гишпанцев, и ломбардцев, и швейцарцев тоже. Даже Папу Римского к ногтю прижали¹⁴.

– Аааапчхи!

Вальтер замотал головой и звонко чихнул.

Мать, вытягивая шею, вглядывалась в клубы пыли, будто высмотреть хотела кого-то. Мальчик тоже смотрел, но видел только силуэты телег в клубах пыли...

*Наши раздосадован отряд —
Последний выпущен снаряд.
Они нам предложили
Свои снаряды. В день восьмой
Их удасть испарилась.
Господь удачу дал и стать
Их стены напроць расстрелять —
Заряды нам прислали.
Пятьдесят три выстрела по ним —
И руки все подняли¹⁵.*

Они вышли из густой пелены, как сказочные витязи из пещеры дракона, и выглядели такими огромными и такими сильными, что казалось, встретить они на своем пути черта, схватили бы его за козлиную бороду и отправили пинком в ад.

Вальтер смотрел во все глаза, стараясь запомнить каждую деталь: ладонь, то и дело хлопавшую по мощным бедрам, черную повязку на левом глазу, сотрясавшиеся от смеха густые бороды, у кого-то лохматые, нестриженные, у кого-то, наоборот, расчесанные и завитые.

А одежда... Таких костюмов Вальтер не видел никогда. Слуги герцога в своих ливреях казались теперь просто оборванцами.

У первого вся одежда была изрезана. На груди, на боках, на спине, даже на гюльфике – везде были прямые ровные разрезы, из-под которых проглядывала кроваво-красная подкладка. Человек казался изрубленным с головы до ног, только он не истекал кровью, а радостно гоготал. Пышные буфы на плечах были разных цветов – синий слева, желтый справа. Непомерно раздутые штаны тоже различались, только желтая штанина здесь была слева, а синяя справа. На голове у человека была плоская широкополая шляпа с тремя пушистыми, закрученными из-за чрезмерной длины перьями розового цвета, которые колыхались при каждом повороте головы.

Другой был весь в бантах. По зеленой одежде ровными струями водопада сбегали каскады бантиков, бантов и бантищ, постепенно менявших цвет от светло-розового до темно-пурпурного. Такими же бантами был украшен и непомерных размеров гюльфик. На голове у человека красовался плюмаж из пышных белых перьев, свисавших в разные стороны.

Третий носил чулки и короткие черные штаны в обтяжку, зато рукава были широченные, Вальтер мог бы залезть в один такой целиком, и состояли они из нескольких ярусов черных ленточек, хитро сшитых друг с другом и поблескивавших так, словно они были мокрыми. Что это за ткань, Вальтер не знал, но вместе с ярко-желтой курткой и большим черным беретом из той же блестящей ткани, надвинутым на одно ухо, смотрелось очень красиво.

Четвертый...

– Мам, ты чего? – спросил Вальтер, почувствовав, как вздрогнула мать.

¹⁴ В 1527 году ландскнехты взяли и варварски разграбили Рим. Папа Римский Климент VII едва уцелел, спрятавшись в замке Святого Ангела, и был выпущен только за астрономический выкуп.

¹⁵ Полный перевод этой песни был сделан автором книги в студенческие годы при неоценимой помощи Игоря Барина, хорошего товарища и замечательного историка-германиста.

– Нет-нет, сынок! Смотри!

И Вальтер смотрел. В глазах рябило от мельтешения красок диковинной одежды, блеска золотых и серебряных цепей, ярких бликов, разлетающихся от перстней и начищенных пряжек, но мальчик боялся моргнуть – вдруг диковинные люди исчезнут!

– Ишь, вырядились, как петухи! – возмутилась какая-то женщина. – Распорядок им не писан!¹⁶

– Им никакой порядок не писан, – буркнул кузнец. – Нет на них управы.

– Цвет империи! Молодцы! Красавцы! – восторженно вопил гнусавый.

Но вели себя эти люди совсем не красиво. Они стояли, сидели и лежали в телегах, распределившись, как попало, и по очереди прикладывались к большим глиняным бутылкам. В одну из телег вместо лошадей они запрягли женщин и теперь подбадривали их шелканьем кнута, свистом и улюлюканьем. В другой телеге два человека, хохоча, крепко держали третьего, чтобы четвертый мог вливать ему в глотку какое-то питье из бочонка. Рядом с ними, покачиваясь, сидел еще один и тупо смотрел куда-то вперед. В какой-то момент этот человек не выдержал и, переломившись через край телеги, изверг под ноги отшатнувшейся и вопящей толпе содержимое своего живота, вытер рот красивым рукавом и поехал дальше, наполовину свесившись с борта.

– Мам, а кто эти люди? – спросил мальчик.

– Ландскнехты, Вальтер.

– А они хорошие или плохие?

– И то и другое, – ответила мать, глубоко вздохнув. – И то и другое.

* * *

Лагерь издавал вполне обычные запахи и звуки. Воняло гнильем, испражнениями и блевотиной. Трещали костры, изрядно охрипшие глотки нестройно тянули очередную солдатскую погань, перечислявшую прелести девушки, ожидавшей возвращения солдата:

– У моей миле-е-е-енки сиськи до пула-а-а-а...

Мерзкое хихиканье и кокетливые фразочки обозных проституток сопровождали завывания, которые язык не поворачивался назвать пением. По мнению Вальтера, если тебя дома ждет такое страшилище, лучше вообще не возвращаться.

– У моей миле-е-е-енки только один глаз...

– Нам сюда.

Йост уверенно потянул Вальтера влево.

– Почему именно сюда? – недоверчиво переспросил он, не желая вновь знакомиться с корытом для свиней.

– Слышишь?

Где-то совсем рядом раздавался негромкий раскатистый стук.

– Да, – кивнул Вальтер, – в кости играют. А то, что во время броска не галдят, означает, что игроки еще трезвые.

– Ох, дружище, вечно ты все усложняешь! – недовольно затянул шут. – У них просто двери нет. В случае чего сбежим.

Вальтер только собрался было указать на очевидную проблему, которая несколько затруднит его попытки бежать «в случае чего», как шут уже потянул его вперед, заставляя при-

¹⁶ Имеется в виду распорядок об одежде 1530 года, согласно которому все слои населения должны были носить определенную одежду, подобающую их статусу в обществе. Особая статья оговаривала возможность военных одеваться, как им угодно, но только на время боевых действий, однако наемники в тонкости не вдавались и носили, что вздумается и когда вздумается, взрывая не только моду XVI века, но и словесные барьеры, которые распорядок об одежде призван был укрепить.

гнуть голову. Дохнуло, как из преисподней. В доме было слишком сильно натоплено, и люди внутри, должно быть, сильно вспотели. Музыканта обдало смрадом от гнилого лука и кислого пива, но главенствовал над всем запахом давно не мытых человеческих тел с явными нотками трупного разложения.

Кости опять стукнули по дереву, и помещение взорвалось хлопками, восторженными воплями, стонами, звоном сгребаемых монет и богохульствами.

– Все, я отваливаюсь, – устало произнес низким голосом баварец. Речь баварцев обычно звучала хрипло, из горла, но конкретно у этого тембр несколько отличался.

– А нечего, нечего было перебрасывать! – заорал земляк Вальтера шваб, фривольно обращавшийся со звуком «н». – Два шанса из шести, чего тут дергаться?

– Не знаю я, причем тут шанцы, но сегодня я тебя, мать твою курва, обыграю! – прохрипел житель севера. Растянутые гласные выдавали в нем жителя нижней Германии, а резкое звучание согласных говорило, скорее о Заэльбье, но точно определить местность Вальтер так и не смог. Каждый из троих говорил на каком-то специфическом наречии. Видимо, давно друг под друга подстраивались.

– Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью, – громко прошептал еще один. – Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни.

– Апостол, давай не сейчас, а? – заявил уроженец Гессена; к местной речи за последние дни Вальтер уже успел привыкнуть. – Эта шельма нас раздевает каждый вечер, должен же он когда-нибудь оступиться!

– Деньги на кон, братья мои! – провозгласил шваб, как проповедник с кафедры. – Пора помолиться господину Пфеннигу, чтобы он пустил нас в свой маленький рай!

– Аминь! – весело отозвался Йост.

– Это кто? – снова вступил в разговор баварец. Его глубокий голос, будто с трудом поднимавшийся из самого нутра, прозвучал весьма угрожающе.

– Воины придорожных канав, полководцы полуденных мух, борцы со скукой, мастера остроумной шутки и просто бродячие артисты! – бодро оттарабанил шут, который, судя по голосу, задумал какую-то каверзу.

Баварец хмыкнул.

– Отнимаете хлеб у полевых капелланов?

– Горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! Не стадо ли должно теперь пасти пастырей?

– Да уймись ты уже, Апостол! – вспыхнул шваб. – Короче, бродячие мухи, если играть – милости просим к бочонку. Нет денег – проваливайте в свою остроумную канаву.

– Да как же не быть-то! – сообщил шут и зазвенел вовсе не бубенцами, хотя еще утром, когда они уходили с постоялого двора, заявлял, что все деньги кончились. Но Вальтер был не в обиде; он тоже припрятал немного на случай нужды.

– Вот это я понимаю, наш парень! – обрадовался хриплый северянин. – А друг твой играет?

– Боюсь, что не в эти игры, – с сожалением произнес Йост. – Но я, как могу, наставляю его на путь истинный.

* * *

Вечер тянулся, как лошадиная вонь за рейтарами, пока не появились эти двое. Впервые за долгое, очень долгое время игра не просто убивала время, а приносила искреннюю радость и удовольствие всем участникам.

Кости прокатились по пустому бочонку и замерли на тройке и шестерке. Тройку Эмих перекинул, но получил два. Восьмерка – ни то, ни се. Плохо бросать первым.

– Дай-ка я!

Плечистый Штефан загреб кости волосатой лапищей. Эмиху каждый раз казалось, что глиняная кружка треснет, реши померанец сжать пальцы сильнее. В обычное время его можно было бы запрягать в плуг вместо вола, но сейчас Штефан был не в лучшем виде: бледный, на лбу испарина, трясется, то и дело рожу кривит и к бедру тянется. А воняет от него, как от мертвого. Оно и понятно – ногу оттяпать не захотел, вот и гниет теперь заживо.

Стук костей, десятка. Сегодня Штефан в ударе.

– Хо-хо! – обрадовался померанец. – Давай-ка, благородие, покажи мастерство!

Каспар из Гессена молча забрал у него кости и, как всегда, начал долго кружкой трясти. Ну что он там натрясти хочет? Ладно бы кости были его, Эмих встречал таких мастеров, которые поворачивали свои кубики нужными гранями, ориентируясь по звуку, но Каспар не из таких. Эмих его терпеть не мог. Сидит в траченных молью штанах и рубаше по ландскнехтской моде, но по роже видно, как он всех здесь презирает. Коня нет, доспехов нет, зато гонору – на троих! Побритый подбородок выпятил, грудь колесом, а губу нижнюю прикусывает. Волнуется, рыцарь драный, хотя шанс-то хороший! С перебросом – почти четверть. Треснуть бы его по благородной роже, да вот незадача – дерется он лихо. Они на этой почве с Ульрихом когда-то побратались. До сих пор выяснить не могут, кто из них лучше.

Выпало семь.

Шут в первом кону сидел, как вкопанный, только глазами стрелял. А теперь при каждом броске ловко копировал манеру движений и речи, изображая Штефана неуклюжим паралитиком, Каспара величественным занудой, а его, Эмиха, коварным хитроvanом. Все игравшие, кроме того, кого шут показывал, веселились от души. Вот только игра у дурака не шла совсем. Надо будет отсыпать ему немного из сегодняшних трофеев...

Штефан сгрэб деньги с бочонка, а Эмих окинул взглядом помещение, чтобы ненадолго отвлечься.

Худой и всклокоченный Апостол, как всегда, уткнулся в засаленную Библию. Он прочитал ее столько раз, что страницы начали выпадать, но Апостол снова и снова беззвучно шевелил губами, повторяя одни и те же словосочетания в попытке их запомнить. Безоружный, небритый, босой, в рубище, но с ног до головы увешанный трофейными распятиями – кипарисными и дубовыми, бронзовыми и серебряными, на бечевках и на цепочках (как только шея у него не переломится!), Апостол водил пальцем по строчкам и покачивался взад-вперед в такт только ему слышимой музыке.

Рыжебородый роттмайстер¹⁷ Ульрих сидел рядом с ним. Не такой здоровый, как померанец, но тоже крепкий и с очень мощными предплечьями. Когда баварец, как сейчас, точил свой гигантский меч с волнистым лезвием, на запястьях и возле локтей жилы бугрились, как корни дуба. Даже на фоне пышной бело-голубой одежды с обычными для братьев разрезами предплечья казались слишком развитыми, будто по ошибке приделанными не к тому телу.

Пришлый оборванец с повязкой на глазах тоже сидел, прислонившись спиной к стене, но к противоположной. В чем состояло его актерское ремесло, Эмих так и не понял. Колени слепой подобрал и старательно делал вид, что игра ему несколько не интересна, но стоило костям загреметь в глиняной кружке, как он тут же напрягался, как сторожевой пес, и ждал, какой объявят результат.

В комнате все сильнее пахло жареным. И отнюдь не фигурально.

¹⁷ Роттэ (в переводе с немецкого – «ватага») – минимальная административная единица в наемных отрядах ландскнехтов. В отличие от современных отделений, взводов и рот, никак не совпадала с тактическими единицами и по сути представляла собой маленькую группу боевых товарищей, привыкших держаться друг друга. Статус роттмайстера никаких особых привилегий не давал, кроме той, что его обладатель мог выступать от лица всей роттэ.

– Кто сегодня за еду отвечает? – спросил, не выдержав, Эмих.

– Наш роттмайстер, разъедри его дыру! – откликнулся Штефан.

– Брат Ульрих, убирай железку, пока не порезался! – улыбнулся Каспар. – В котле вся вода выкипела.

Пробурчав под нос короткое кощунство о Деве Марии, баварец в последний раз лязгнул сталью о сталь, отставив двуручный меч в угол, где лежали его доспехи, и в следующий миг загремел уже чугуном.

– Кстати о девах, – встрял в разговор шут, использовавший на этот раз баварский говор. – Почему благородные господа при деньгах лишают себя общества любезнейших дам?

– Да, Эмих, где баба? – прохрипел Штефан.

Такого поворота Эмих, мягко говоря, не ожидал.

– Вы ж сами сказали ее заткнуть! – удивился он. – Ну, я и того... За бруствером она валяется.

– Ты нормальный язык понимаешь или вы, швабы, поголовно тупые? – заревел Ульрих. – Я сказал, чтобы она не хныкала, как монашка на исповеди, согрешившая со свечкой. Запугать, поучить уму-разуму, можно и ножом потыкать немножко, коли охота, но убивать-то зачем?

– Да, брат Эмих, кого теперь прикажешь пользоваться? Не тебя ли? – поддержал гессенец.

– Заткни хайло, пока есть чем пользоваться!

Эмих уже готов был потянуться за ножом, но в этот момент слепого, сидевшего ближе всех ко входу, грубо оттолкнули в сторону. Прямые белые кресты на одежде, короткий меч и алебарда, которую пришлось наклонить, иначе в дверь не пролезла бы. Швейцарец, из трабантов¹⁸! В переполненном доме сразу повисло гробовое молчание, прерванное только стуком костей.

– Брат Ульрих, не овечьим ли дерьмом завоняло? – спросил Штефан, шумно принюхиваясь.

– Не, скорее бараньим, – ответил Ульрих, у которого даже шутка звучала угрожающе.

– Не знал, что господа ландскнехты так тонко разбираются в запахах дерьма, – добавил от себя шут, – но усы стоящего в дверях господина из Берна мне тоже кажутся намазанными.

– Кто роттмайстер? – выдавил, наконец, вошедший швейцарец. – Почему не в карауле?

– А почему благочестивые братья должны отчитываться перед каким-то швейцарцем? – ответил Штефан, поднимаясь во весь свой немалый рост.

– У рейтаров конь пропал.

Трабант, хоть и молодой, несколько не испугался померанца, хрустевшего пальцами. Ни одним мускулом не дернулся и за оружием не потянулся. Еще и заявился один, а не с друзьями. Где только хауптман¹⁹ нашел такого? Обычно швейцарцы звереют от первой же иголки в зад, и начинается потеха, а этот, видимо, из камня сделан.

– Ты ли дал коню силу и облек шею его гривую?

– Погоди, Апостол, со своей гривой! Мы-то здесь при чем? – спросил Ульрих.

– Ваш караул – с вас пропажа, – разъяснил трабант.

– Знаешь что, любезный, – сообщил Ульрих, складывая руки на груди, – топай-ка ты к себе в горы и не елозь нам по ушам этой белибердой.

Швейцарец как ни в чем не бывало вышел, и все оставшиеся проводили его хохотом и подробным разбором происхождения трабанта по женской линии. Когда дело дошло до прапрабабушки, шваб, до того разошедшийся, что бока заболели, вдруг почувствовал сильнейший сквозняк. Хотя нет, это был не ветер. Ощущение было такое, будто в воздухе резко похолодало.

¹⁸ Трабанты – личные телохранители военачальников. Защищали не только на поле боя, но и главным образом от собственных подчиненных.

¹⁹ Хауптман – командир наемного отряда пехоты, субподрядчик по отношению к оберсту, который выступал как командующий всем войском. Каждый хауптман вербовал людей в свой отряд, ими же и руководил.

Огонь в очаге опустился к самым углям, а от дверного проема внутрь потянулись сверкающие завитки инея. Заморозки посреди лета!

Эмих, прекративший смех, только хотел было обратить всеобщее внимание на эту странность, как вдруг в дом вошел скелет.

Голый костяк без нижней челюсти и левой руки по-хозяйски огляделся внутри, оперев единственную руку в тазовую кость. Он поворачивался на одном месте, разглядывая всех присутствующих по порядку, пока не остановил черные провалы на Эмихе. Оглядев его с головы до ног, костяк уверенно двинулся вперед.

У шваба все внутри оборвалось.

«Нет! Только не я!»

Скелет внезапно остановился, по-прежнему буравя Эмиха пустыми глазницами. Будто услышал и ждал продолжения разговора. Медленно поднял руку, указав вытянутым пальцем на Каспара.

«Да, его! Его в первую очередь!»

Палец переместился на Штефана.

«И его тоже! Ему терять нечего!»

Скелет тыкал в одного ландскнехта за другим. Замерший, как мышь, Эмих, боясь выдать присутствующим страшного гостя, бился в беззвучной истерике:

«Всех! Всех заберите!»

Скелет, вопросительно наклонив голову, стал поднимать руку, собираясь указать на него, Эмиха.

«Нет, нет, нет!» – замотал головой шваб. – «Что хочешь, дам, что хочешь, сделаю, только не я! Не я! Мне еще рано!»

Скелет внезапно повернул череп к слепому оборванцу в углу, который снова сидел, сжавшись у стены, и пошел к выходу.

– Хватит рожи корчить, Эмих! У дурака это лучше получается, – захрипел рядом Штефан. – И где только Франца носит с нашим пивом?

* * *

– На, ешь! – произнес совсем юный голос, и в руку Вальтеру сунули палку с наколотым куском мяса.

Горячий бульон стекал, обжигая пальцы, но кусок так аппетитно пах, а есть так хотелось, что музыкант ни за что на свете не отдал бы угощение. Ухватив второй конец, Вальтер уже раскрыл было рот пошире, чтобы впиться зубами в кусок, но внезапно вспомнил расхожие истории о том, чем наемники питаются в нужде...

– Что это? – спохватился музыкант.

– Кониная, конечно, – задорно ответил тот же голос, совсем еще мальчишеский, и справа от Вальтера кто-то присел, громко чавкая. – Ничего другого не достать, разве что в замке...

– Франц, куда требуху и копыта дел? – спросил баварец.

– У саксонских палаток раскидал! – ответил мальчик набитым ртом.

– Молодец! – одобрил Ульрих. – Никогда не любил говор этих ублюдков.

– У меня похожий, – ляпнул зачем-то гессенец.

– Так я и твой не люблю! – заржал роттмайстер.

По дереву снова покатались кости.

– Хо-хо! – обрадовался шваб Эмих, громко хлопнув в ладоши. Он был как-то особенно возбужден игрой. – Тебе, шут, сегодня чертовски везет!

Глаза смерти²⁰ шесть раз подряд – это ж невозможно, я таких чисел не знаю²¹! С перебросом попроще, конечно, но ты, я смотрю, не утруждаешься. Или в удачу свою не веришь?

– Знал я в Парме одного студента, который тоже шансы хорошо считал²², – отозвался Йост, который, судя по голосу, совершенно не расстраивался неудачам. – Вот только ушел он от меня голый, как Адам до грехопадения. Ты погоди, брат ландскнехт, я еще разминаюсь!

– Чего годить-то? – промычал шваб, который после пива начал растягивать гласные еще больше. – Ты в кошельке шустрее разминайся! Новый кон начинаем!

Зазвенели монеты, падающие на деревянную поверхность, и Вальтера легонько тронули за плечо.

– Не выручишь ли, дружище? – вкрадчиво произнес Йост.

– Давай, колпак свой снимай! – хохотнул шваб Эмих.

То ли оттого, что воздух был слишком спертым, то ли от съеденного натошак куска мяса бродячий музыкант вдруг почувствовал, как к горлу подступает дурнота. Шут, видимо, расценил молчание иначе.

– Понимаю, дружище, ты питаешь к серебру столь же нежную и трепетную любовь, что и братья-ландскнехты. Тогда одолжи мне денег! Обещаю, что верну в двадцать раз больше.

– Весь лагерь собрался обчистить? – поинтересовался шваб и дико захохотал.

– Заткнись! – с неожиданной злостью осадил наемника шут, а потом так же спокойно, как до этого, продолжил: – Ну как, дружище, хочешь получить кучу денег?

Смех, как ни странно, прекратился. Наверное, все сейчас смотрели на них и ждали, что решит Вальтер.

Тот, несколько справившийся с тошнотой, прикинул, что ничего особенного не теряет. Да, Йост с легкостью спустит его деньги, это вполне в его духе, но, в конце концов, благодаря шуту они их и зарабатывают. Причем гораздо больше, чем музыкант в одиночку. Если же шут выиграет... Откуда он только узнал? Наверное, видел, как Вальтер прячет деньги.

Музыкант очень хотел сыграть сам. Он понимал, что его, калеку, наверняка обжулят, но сидеть просто так было уже невыносимо. Он буквально кожей ощущал тепло замызганной глиняной кружки и холод круглого металла. На слух различал, кто выигрывает, а кто проигрывает, не дожидаясь воплей и стонов, определяя это по сопениям, почесываниям и хлопкам. Но была одна проблема: чтобы определить, сколько выпало у него самого, нужно было коснуться костей после броска, а правила это строжайше запрещали.

«Сколько же всего можно купить на сто пятьдесят батценов²³?» – подумал Вальтер, а руки сами тянулись к подкладке, в которую были зашиты монеты.

– Вот это я понимаю! – радостно заорал Йост. – Вот это настоящая, бескорыстная дружба! Все ради товарища!

– К молитве! – воскликнул шваб.

– К молитве, братья!

– Франц, стоняй еще за пивом, – прохрипел померанец и тяжело, надсадно отхаркался. – Похоже, ночь будет долгой.

²⁰ Две единицы.

²¹ Для читателей, незнакомых с комбинаторикой, поясню: шанс выпадения единицы на одной шестигранной кости – 1/6, на двух – 1/6 × 1/6, т. е. 1/36. Каков шанс повтора этого результата шесть раз подряд без переброса костей, можете подсчитать на калькуляторе.

²² Имеется в виду Джироламо Кардано, знаменитый инженер и математик, написавший в 1526 году книгу об азартных играх и предвосхитивший многие открытия «отцов теории вероятностей» Блеза Паскаля и Пьера Ферма.

²³ На 3—4 гульдена (т. е. 45—60 батценов) можно было купить хорошего племенного быка. Месячное жалование рядового ландскнехта также составляло 4 гульдена.

Его шаркающие шаги прозвучали совсем рядом, и сидевший справа мальчик встал, коротко звякнул и вышел. Вальтер наконец понял, откуда шел этот противный гнилостный запах.

– Как бы твоя ночь не стала вечной... – тихо произнес музыкант и тут же взлетел с пола, схваченный за грудки.

– Чего?! – заревел ландскнехт и крепко стукнул Вальтера спиной об стену.

– Раны гниют! – испуганно выкрикнул бродячий артист, втягивая голову в плечи. «Так и знал, что побьют!»

– Остынь, брат Штефан, – пробасил баварец. – Сам же знаешь, что артист прав. Не сегодня-завтра отправишься к Костлявому Танцору.

– А ты поменьше думай о танцах с Костлявым! – отбрил Штефан, но Вальтера на пол опустил. – Глядишь, он подождет еще денек!

– Уж ему-то спешить точно некуда, – вставил шваб Эмих.

– Я есмь воскресение и жизнь, – провозгласил у противоположной стены знаток Библии. – Верующий в меня, если и умрет, оживет!

– Так, – подвел итог гессенец Каспар. – Апостол верить предлагает, Штефан – надеяться, а ты, Ульрих? Любить?

– Это я предлагаю любить! – взревел вдруг Штефан. – Любить надо пиво похолоднее и грудинку свежую с яичницей. Рейнское вино надо любить, потому что маасское – пойло. Врагов любить надо, как же без этого? Когда они подышают, аж сердце из груди выпрыгивает от радости! Таким живым себя чувствую, что дышать не могу. Женщин любить надо особенно тщательно, раза по три за ночь, и лучше разных! Короче, жизнь надо любить, братья! До последнего вдоха!

– Чушь, – небрежно бросил Ульрих, и от этого короткого слова Вальтеру стало не по себе. – Жить – это навык такой. Привычка тела навроде фехтования. Когда мечом по голове треснуть хотят, ты же свой меч поднимаешь? Вот так и жизнь. Когда жрать нечего – жрешь траву, лишь бы еще протянуть. Денег нет – забираешь там, где есть, и идешь дальше. Как только устанешь, или отвыкнешь, или не сможешь, или брякнешь невзначай, что с тебя хватит – тут-то тебя Смерть за шкуру и возьмет.

– Это выживание, а не жизнь! – возразил Каспар. – Убивать и не быть убитым – это только для войны годится, а потом что? Разве видеть, как возрастает твоя семья и дела рук твоих приносят плоды – это не жизнь? Да и как быть с теми, кто вообще воевать не может? Они как? Совсем не живут?

– Твои – точно нет, – с нескрываемой злобой произнес Эмих.

– Что? – в гробовой тишине переспросил Каспар.

– А то...

Бац!

Кто-то упал на пол.

– Хватит, Ульрих, нянчиться с ним! – пролаял шваб, которому было то ли больно, то ли обидно. – Твой герб – три птицы на синем?

– Соловьи на лазоревой эмали, – поправил гессенец. – Договаривай.

– Рейтары рассказывали, как неделю назад в замке одним славно покутили...

– Нет! Не может быть! Брешешь, гнида монастырская! – заметался Каспар. – Ульрих?

– Прости, брат, – прогудел баварец, но в голосе не чувствовалось ни капли раскаяния. – Сам узнал позавчера и решил тебя не расстраивать. Забудь. Живи дальше.

– Расстраивать?

Обладатель герба с соловьями вдруг расхохотался. Громко, задорно, с надрывом смеялся в полной тишине и вдруг резко затих, как будто у него отняли голос.

– Вернусь – тебя зарезу первым, – спокойно пообещал он то ли Ульриху, то ли Эмиху и с грохотом выбежал наружу.

Напряжение несколько не уменьшилось. Наоборот, оно так давило на уши и стискивало горло, что стало совсем невмоготу.

– Предлагаю разыграть ставку брата Каспара, – произнес, наконец, шут тоном матерого аукциониста. – К молитве?

– К молитве! – прохрипел Штефан.

– К молитве! – злобно бросил шваб.

– Я, пожалуй, прогуляюсь, – сказал Вальтер, которому становилось все хуже.

– Дело хорошее, – одобрил роттмайстер Ульрих. – Как выйдешь, сверни налево, от второго угла пятьдесят шагов прямо и там постой. За караульного сойдешь.

* * *

Прохладный воздух, ворвавшийся в легкие, был слаще вина. Вальтер немного постоял, вдыхая полной грудью, потом нырнул в ночь, как в реку, на ощупь пробрался к нужному углу дома, встал к нему спиной, ощутив дерево между лопаток, и отсчитал двадцать шагов. Дальше идти не рискнул, потому что расслышал треск кустов, чье-то пьяное ворчание и женский шепот. Зачем людей сослепу тревожить...

Нестройный хор больше не вспоминал деревенскую миленку. Луженые глотки тянули самую известную из солдатских песен, которую пели по всей империи от Альп до Нидерландов. Даже Вальтер знал ее наизусть.

*Пусть барабан гремит,
Пусть барабан поет,
Что каждый, каждый, каждый,
Каждый из нас умрет!*

Слушать о том, как Смерть забирает всех без разбора, от императора до крестьянина, сейчас совсем не хотелось. Вальтер поежился, быстро извлек из складок одежды флейту, подумал немного, выбирая, какая нота будет главенствовать в сегодняшнем узоре, и мягко извлек ее.

Тихий звук потянулся вперед, как дорога через поля. Вальтер резко поднялся на холм, а потом плавно, в три ступеньки спустился обратно на дорогу. Мелодия ему понравилась, и он тут же решил повторить подъем и спуск, только быстрее. Вернулся уже не один. Сильный и чуть резковатый звук волынки превратил дорогу в широкий тракт, по которому приятнее было ехать верхом или в телеге, да в хорошей компании, а не топтать одному. Вальтер попытался пристроиться рядом, но быстро понял, что ничего не выйдет – задавит повозка или кони затопчут. Пришлось то и дело отбегать в сторону. Волынка тут же разгадала эти маневры и двинулась чуть помедленнее. Стоило только ей замедлиться, чтобы осмотреть окрестности, как флейта тут же начинала плести свой собственный витиеватый узор, обрисовывая колосющиеся нивы и сады, ломившиеся от яблок, ровные ряды виноградников с темно-синими и светло-зелеными гроздьями, клонившимися к земле, большие деревенские крыши, покрытые свежей соломой и потемневшей дранкой, и каменные шпили церковей, своим бессловесным, но отчаянным криком пронзавшие небо. Такое чистое, для всех одинаковое, но такое далекое... Поймав один и тот же – первый – звук, волынка и флейта слились воедино и, не сговариваясь, одновременно оборвали мелодию.

– Спасибо, – кивнул Вальтер неизвестному партнеру, пряча инструмент. – Ты настоящий мастер.

– Тогда ты – Бог, – простодушно ответил волынщик голосом Франца. – Сколько раз пробовал, не могу ничего придумать, только повторяю. А ты – раз и готово. Сначала не уверен был, а потом как разошелся!

– Не знал, что ландскнехты идут в бой под волынки, – сменил тему Вальтер, стараясь скрыть смущение. Его очень давно не хвалили так запросто и так искренне, как этот мальчик.

– Да я не кнехт пока. И в музыканты меня не возьмут... – с явным сожалением произнес Франц.

– А хочется?

– Конечно! – загорелся мальчик. – Я и на барабанах умею!

За спиной, недалеко от входа в дом, где ночевали ландскнехты, шумели голоса. Вальтер хорошо слышал густой и недовольный голос баварца.

– Не боишься, что убьют? – спросил музыкант мальчика.

– Мы все уже мертвы, – небрежным тоном заявил тот.

«Ничего себе!» – усмехнулся про себя Вальтер такой категоричности и, надеясь, что Франц не видит его улыбки, спросил:

– Не рано ты в могилу собрался?

– Тут ведь как, – с необычайной серьезностью начал пояснять мальчик, – человек только родился, а уже задолжал Танцору. Но тот повсюду не поспевает. Про кого вспомнит, к тому и приходит требовать долг. Когда сможет и где захочет: в бою, в палатке, на дороге...

– Сам придумал или подсказал кто? – резко оборвал музыкант. Улыбаться ему совершенно расхотелось.

– Как-то раз... – опять начал было Франц, но тут же смолк. Спор за спиной уже грозил перерасти в потасовку.

– Жарковато там Ульриху, нет?

* * *

– Я спрашиваю, что здесь происходит, роттмайстер?

Граф Райнхард придал себе вид величественный и недовольный. Темная расчесанная борода, кустистые брови и красивый доспех с гравировкой производили большое впечатление по первому разу. Но Ульрих графа знал давно, и такими трюками его было не пронять. За спиной у хауптмана стояли два телохранителя: оба с прямыми белыми крестами, нашитыми на штаны, оба в цветах кантона Берн, оба с алебардами. Даже внешне похожи, хотя тот, что слева, над которым они повеселились недавно, был помоложе. Различались они только тем, что у стоявшего справа на нагруднике был изображен крест, а у стоявшего слева – медведь.

В доме разговаривать граф не стал. Сказал – смердит. До сих пор платок в руке держит, каким благородный нос прикрывал. Попросил Ульриха во двор на пару слов.

– Ваша светлость, не надо говорить со мной так, будто не знаешь, как меня зовут, – сообщил роттмайстер, складывая руки на груди.

Почтения к графу у баварца не было никакого. Это далеко не Йорг фон Фрундсберг и не Мерк фон Эмс²⁴, которые к каждому кнехту относились, как к родному сыну, а в бою рубились за троих. Этот прыщ в строй, конечно, встает, но далеко не в первых рядах, к центру все жмет, хотя доспех у него хороший. И на штурме его Ульрих не видел. Другие братья говорили, что граф – боец знатный, хоть и рисковать не любит, но у мастера двуручного меча была своя мера.

– Ты не ответил на вопрос, Ульрих.

²⁴ Георг фон Фрундсберг и Мерк Зиттих фон Эмс – легендарные командиры ландскнехтов, сковавшие все крупные победы 20-х гг. XVI века. Увековечены в ландскнехтских песнях как «верные слуги императора» и «отцы солдатам».

- А мы о чем, собственно, беседуем?
- Квартирмейстер поселил вас в этом доме с обещанием не дебоширить, – разъяснил граф. – Было такое?
- Ну да, – почесал бороду Ульрих.
- Тогда в третий и в последний раз спрашиваю, какого черта происходит, Ульрих? – не выдержал хауптман. – В первый же день вы спьяну вынесли дверь, потом зарезали мужика, а бабу его к крюку привязали и пользовали по мере надобности.
- А что, убудет от нее, от бабы-то? – рассмеялся Ульрих. – Она ж как ремень кожаный, от постоянного пользования только мягче становится.
- Граф скорчил еще более хмурую мину.
- Так скоро в округе никого живого не останется... Зачем тогда замок берем, роттмайстер?
- Так война же, ваша светлость! – развел руками ландскнехт. – Как не пострадать мирным людишкам? А на что замок – и вовсе не наше дело. Храбрым братьям думать не надо, надо приказы выполнять.
- Приказы, говоришь? – прищурился хауптман. – Почему в караул не пошли?
- Так вон же человек стоит, – показал рукой Ульрих.
- Апостол, что ли?
- Нет, приятель его, – отмахнулся роттмайстер.
- Граф повернулся в указанную сторону, пытаясь рассмотреть караульного, но в темноте можно было разобрать только фигуры: артиста, мальчика и какого-то высокого худого парня, который был вроде как голым. «Выручил слепой бродяга, даже народ вокруг подсобрал!»
- Насчет караулов, ваша светлость, я вот что скажу, – перешел Ульрих в контратаку. – Когда ты шлюх на смотре в свои и мои доспехи наряжал, о чем думал? Жалование за них, как за кнехтов, получить? Мы же не железные, третью ночь подряд в карауле стоять! И вообще, где моя доля? Договаривались на два гульдена.
- Трабанты напряглись, но граф сделал вид, что пропустил все мимо ушей.
- Где лошади? – спросил он вместо ответа.
- Да какие лошади?! – не выдержал такой наглости Ульрих. – Трабант про лошадей, и хауптман туда же! Мы пехота, а не коннозаводчики!
- Пегая кобыла, Ульрих, перцу тебе в зад! – совсем не по-графски выругался хауптман. – Вечером кто-то кобылу увел, а меньше часа назад человек из твоей шайки зарубил нескольких рейтаров, забрал у них коня и унесся куда-то. О чем прикажешь думать, роттмайстер?
- О том, что пора разгонять рейтаров и набирать больше кнехтов, – заявил Ульрих, еще больше повышая голос. – Толку здесь от этих всадников, как от щегла навоза. Они на штурм верхом пойдут? Взяли бы еще орудий. Пороху и ядер – не сосчитать, а пушек всего три. До зимы стрелять будем.
- А ты, умник, не забыл, что я только за пехоту отвечаю? Хочешь, сходи к оберсту или прямо к князю и расскажи им все, что в военном деле смыслишь. Глядишь, будущей весной тебя командовать поставят, – ухмыльнулся граф и тут же пошел на мировую. – По поводу новобранцев кое-что поговаривают. Оберст какого-то стрелка нанял...
- Одного? – рассмеялся роттмайстер. – И чем он один поможет?
- Ты поменьше зубоскаль, Ульрих, – перешел вдруг на шепот граф. – Я его видел, и, скажу тебе, не стал бы я над ним смеяться. Кстати, его навыки мы скоро проверим: на рассвете штурм, подкоп доделали.
- Опять в потерянный отряд?
- Ты знаешь правила, роттмайстер: от каждой роттэ три бойца, но если на долю в добыче не претендуешь...
- Чушь не пори, ваша светлость!

– Нагло держишься, роттмайстер, – опять посуровел граф. – В обычной жизни вырвал бы тебе язык.

– Мы не в обычной жизни, – отбрил Ульрих, очень хотевший плюнуть на хмурый графский лоб. – Три дня на разорение?

– Один и с грабежмейстером²⁵, – уточнил граф. – Мартин Швейцарец.

Ульрих грязно выругался, предложив графу несколько оригинальных способов использования неструганного деревянного креста.

– Но задержанное жалование заплатят? – спросил он, когда выдохся.

– Конечно, – подтвердил хауптман. – После штурма.

– До штурма, ваша светлость.

Ульрих улыбнулся так нехорошо, что трабанты невольно сжали оружие.

– После штурма, роттмайстер, – с не менее дружелюбной улыбкой заявил хауптман. – Гонец запропастился куда-то, а у него бумаги важные. Без них денег не будет.

– А наши ли это проблемы, ваша светлость?! – взорвался Ульрих. – Слышал поговорку, нет денег – нет ландскнехтов? Какие караулы, какой порядок в лагере, какие штурмы, если на три недели просрочка? Мы подписались жрать дерьмо под стенами замка, но не надо думать, что мы будем вырывать друг у друга ложку и орать «Еще! Еще!».

Трабанты поудобнее перехватили дровки и одновременно вышли из-за спины хауптмана, но нападать Ульрих не планировал. Сначала деньги, потом счета.

– Будете, Ульрих, еще как будете, – омерзительно расхохотался граф. – И смаковать, и причмокивать, и жмуриться от удовольствия. Где бы вы все были без найма? Побирались на дорогах? Воровали бы кур и гусей по крестьянским дворам? Пахать и сеять вашему брату зазорно! Здесь ты герой с двойным жалованием, мастер меча, а в Нюрнберге булки бы пек, как твой отец, и лебезил перед каждым городским стражником! Так, Ульрих Вайсброт? Ты верно сказал, нет денег – нет ландскнехтов. А денег у вас сейчас как раз нет, так что нечего петушиться. Черт с ними, с караулами, черт с этой бабой крестьянской, а с рейтарскими конями трижды черт. Завтра утром – на приступ, за твоей и моей добычей. И двоих еще прихвати.

Граф Райнхард повернулся, продемонстрировав красивую чеканку на спинной пластине. Трабанты, не опуская оружие, прикрывали отход.

– Чтоб ты сдох, хауптман! – выплюнул им вслед покрасневший от ярости Ульрих.

– И тебе удачи на штурме.

* * *

«А вечерок-то удался! – подумал Штефан, шагая в направлении знакомой палатки с грязно-желтым пологом. – Теперь дело за Сабиной».

Только что выигранные деньги обнадеживающе позвякивали за пазухой. Ландскнехт похлопал себя по животу, будто сомневался, что такие деньги все еще с ним, и тут же скривился от острого приступа боли. Накаркала слепая ворона, разрази его Бог!

Последний штурм был со всех сторон неудачным. Часть пороха отсырела, поэтому стрелять приходилось через раз, и то с осечками. Лестниц подготовили мало, а подкоп еще не дорыли. Зачем на приступ отправили, понятно: чтобы поубавилось тех, кому надо деньги платить. Где роттэ Клауса? Нет роттэ Клауса! Где отряд Весельчака? Нет больше ни отряда, ни Весельчака! Все, долой имена из списка.

²⁵ Различались два вида грабежа: стихийный и организованный специально назначенным грабежмейстером. Последний предполагал планомерный вынос и складирование всех ценностей, выделение десятой их части командирам и равную долю каждому участнику штурма. Очевидно, что первый вариант предпочитали рядовые, второй – командный состав.

Потери тогда были огромные, и все-таки взобрались на стену, все-таки уперлись рогом на галерею, что вела в надвратную башню. Тут бы на подмогу бросить кого-нибудь, так нет, протрубили отход! Штефан тогда зазевался и по-дурацки получил железкой в бедро. Поганца достал, конечно, а про рану сначала и вовсе забыл. Мало ли дыр затянулось на шкуре? А заплатку на костюм шляхи тем же днем поставили. Но к вечеру начался жар, а нога опухла и покраснела изрядно. Похоже, тот замковый хмырь, чтоб ему черти в задницу смолу вливали, меч намазал, чтобы рана не затягивалась. Штефану теперь жилось совсем несладко. Считай, совсем не жилось, потому что на простые походные радости сил едва хватало.

Но даже такие дни, проходившие в постоянном ознобе, слабости, боли, корчах и вони из гниющей раны, к которой сам ландскнехт привык, а окружающие нет, были лучше, чем все те годы, когда он горбатился на поле. Ганзейские города²⁶ хотели все больше и больше зерна, и благородные господа Померании с охотой им это зерно продавали, все жестче прижимая крестьян и заставляя их чаще работать на барщине. Один день превратился в два, а потом в три. Когда свою-то землю обрабатывать, если в воскресенье никто не работает? По ночам что ли? А еще и десятину платить надо! Штефан Неггер помыкался-помыкался и плюнул. Пускай другие бурьян распаивают, а он, пока молодой, попытает счастья в другом ремесле.

И с тех пор, как он принял это решение, звонкое серебряное счастье улыбалось ему всегда, кроме того злополучного дня, отравившего ему кровь и существование. Костлявый скоро заберет его, это правда. Но только не сегодня! Ой, не сегодня! Этой ночью Штефана ждали рейнское вино и ласки рыжеволосой бестии, голодной, как суккуб, и неистойвой, как буря.

«Может, все-таки к лекарю завернуть? Деньги-то есть...»

Ландскнехт на ходу обдумал эту мысль, но решил, что тратить время, чтобы узнать очевидное, совершенно ни к чему. Отлить в прозрачную колбу и наблюдать, как полковой врач, прищуриваясь, рассматривает жидкость со всех сторон, нюхает и чуть ли не пробует на вкус, было бы, конечно, весело, но пользы от этого – с гулькин нос. Так что Штефан решил обойтись привычными средствами для снятия боли. Завернуть к фургонам маркитантов – минутное дело, а потом уже Сабина...

– Брат Штефан, стой! – послышался за спиной запыхавшийся голос Эмиха.

– Отвали, – беззлобно буркнул Штефан, не поворачиваясь. – Завтра будешь отыгрываться.

– Я не за этим! – снова крикнул Эмих. – Ты что-то обронил, брат! Вон, в траве блестит.

Штефан, скрипнув зубами от досады, развернулся к назойливому товарищу. Тот уже сидел на корточках в десяти шагах и шуровал рукой в траве.

«И вправду, что ли, трофеи подрастерял? А если не мое, так мне же и лучше!»

Штефан подошел и наклонился, чтобы рассмотреть, много ли там лежит, и тут же получил ножом в лицо. Хорошо, что дернуться успел, иначе отхватил бы в шею, и тогда все, танцевать ему с Костлявым раньше срока. А так только щека располосована.

– Паскуда! – взревел Штефан, неуклюже отпрыгивая в сторону. – Братство предал? На добро позарился?!

Эмих отвечать не стал и вместо этого крепко пнул Штефана в раненое бедро. Он, конечно, успел руку подставить, но толку-то? Бывший крестьянин взвыл, заходясь от жуткой боли, и припал на одну ногу.

– Не люблю я проигрывать, брат... – произнес Эмих, медленно двигаясь влево, под больную штефанову ногу, и выписывая кинжалом финты и петли. – Особенно, когда на жизнь играем.

– Совсем сдурел? – сквозь стиснутые зубы прошипел Штефан.

²⁶ Ганза – союз городов, преимущественно немецких, торговавших в акватории Балтийского и Северного морей. В XIV–XVI веках фактически контролировал торговлю в этом регионе, пока не был вытеснен голландскими купцами.

Шваб опять не ответил. Он, танцуя с ножом, подскочил вплотную, собираясь прикончить Штефана, но тут его ждал маленький и очень острый сюрприз. Если бы не снова вспыхнувшая боль, которая сковала Штефана прямо в движении, Эмих точно попрощался бы с жизнью. А так успел развернуться боком, и лезвие Штефанова ножа всего лишь распороло куртку.

«Проклятье!»

Эмих снова атаковал с передней ноги, коротко ткнув вперед кинжалом. Штефан ловко сбил руку с оружием, зашел под открытый бок и собирался уже воткнуть лезвие под ребра этой скотине, как вдруг почувствовал, что не может пошевелить рукой.

Костлявые пальцы сжали его правое запястье крепче, чем кандалы. Штефан оглянулся через плечо, увидел голый череп, скалившийся ему редкими зубами, – и тут же получил кинжалом в горло. Острое лезвие вошло снизу, под подбородок, пробило нижнюю челюсть, небо и воткнулось прямо в мозг.

* * *

Хмурое утро медленно сменяло короткую майскую ночь. Кроваво-красная полоса только-только появилась на мертвенно-сером подбрюшьи неба. Нехотя вылезавшее солнце еще не высушило росу, обильно выпавшую на траву, но уже осветило печальную картину ночной битвы торжествующих пороков с жалкими остатками добродетелей.

Собравшиеся братья были еще более хмурыми, чем небо. Еще не протрезвевшие или мучившиеся с похмелья, всклокоченные и, естественно, не выспавшиеся после ночного веселья, ландскнехты кучковались на утопанной площадке за бруствером. Около двух сотен наемников, из которых от силы треть переживет сегодняшнее утро, но те, кто выживет, озолотятся и смогут, швыряясь деньгами налево и направо, дотянуть до нового штурма в пьяном довольстве и объятьях блудниц. Две сотни веривших в свою удачу. Потерянный отряд.

– Шевели ногами, мертвечина! Строимся, строимся!

Зычный голос фельдвайбеля легко перекрыл невнятный гомон смертников.

– Поживее, тупорылые! Ряды выровняйте! Что встали, как стадо баранов, в Бога душу вашу мать?!

– Зачем надрываешься, брат Клас? – буркнул кто-то из пришедшей в движение толпы. – Мы на штурм строем пойдем, что ли? Мишенью для пушек?

В замке, конечно, увидели скопление пехотинцев и возню в пробуждающемся лагере. Петер, которого команды фельдвайбеля давно не касались, видел на стенах какое-то шевеление, но стрелять со стен еще не начали. Орудия осаждающих тоже пока молчали.

– А ну, пасти свои захлопнули и построились! – продолжал разоряться фельдвайбель, то и дело ускоряя передвижения наемников то пинком, то зуботычиной. – Тут капеллан сказать чего-то хочет, потом причащать будет. Так что рыгать, бздеть и песни петь не велено! Велено стоять ровно и пучить глаза от счастья! Эй ты, мразь в полоску, флягу быстро выкинул! Да выкинул я сказал, а не выжрал! Шевелитесь уже, скоты ленивые!

К ору и побоям от Класа ландскнехты относились вполне снисходительно: это ведь его, фельдвайбеля, дело, простых кнехтов строить. Да и сам он не раз и не два вставал с ними рядом. Боец знатный, уважаемый, и просто так братьев не песочит. Другое дело – полевые капелланы. Этих птиц наемники терпеть не могли. А Петер Кирх по прозвищу Апостол и вовсе ненавидел.

Тщедушный священник, казавшийся еще меньше рядом с массивными братьями, облаченными в броню, пытался пробраться сквозь выровнявшиеся порядки, но никак не мог, то спотыкаясь о якобы случайно переставленное оружие, то падая, напорвшись на выставленный локоть или ногу.

– Перебирает святой отец с кровью Христовой!

– На ногах не стоит, лыка тоже не вяжет!

– Смотри, слово Божье по дороге не растеряй!

От былой угрюмости не осталось и следа. Потерянный отряд откровенно веселился. Как-никак глумиться над священниками – единственное развлечение перед боем, все остальные радости ждали наемников после.

– Прекратили живо, – негромко произнес граф Райнхард, появившийся на площадке в сопровождении трабантов и грабежмейстера, и братья слегка поутихли. Кто платит, тот и командует.

Священник, мелко трясущийся то ли от страха, то ли от возраста, залепетал какую-то благочестивую чушь. Петер выхватывал из его речи только отдельные слова: имя Господне... святой Иоанн Креститель... подчиняйтесь властям... сие есть тело Мое. Все остальное было не из Книги, а значит, обычный поповский бред.

Раньше Петер много слушал разных проповедников – сторонников папы, учеников Лютера, цвинглианцев, кальвинистов, даже анабаптистов. Но все они пороли чушь. Лютую, махровую, несусветную. Они хотели что-то добавить, что-то разъяснить, истолковать и не понимали, что тем самым все дальше и дальше удаляются от Божественной простоты и ясности. Все эти проповедники думали отыскать Бога в хитросплетениях словес и не хотели явить Его силу. Они не понимали, что Бог сам по себе – Слово и никакие комментарии и разъяснения Ему не нужны. Его надо просто слушать. И нести другим.

Братья-ландскнехты считали Петера слабоумным после того, как рядом с ним взорвался пороховой склад. Там хранилось столько взрывчатки, что часть обозных фургонов попросту разметало в щепу, а Петера только оглушило. Несколько недель он вообще ничего не слышал, над чем братья откровенно потешались в свойственной им манере – рассказывали про него всякие скабрзные небылицы, как Петер узнал уже после, когда слух вернулся. Но сначала он от безысходности начал читать. Книгу взял в разграбленном монастыре, выбрав ту, что поменьше размером, а буквы и до этого знал. Отец научил когда-то.

Только тогда он наконец понял, зачем Господь спас его во время взрыва. Отныне Петер говорил с братьями только Словом и все время читал Книгу, стараясь запомнить как можно больше и как можно точнее. Все считали, что Петер тронулся умом, но слабоумным он не был. Он свято верил в то, что небезразличен Богу, что его миссия – просветить заблудшие души, явив им свет истинной, ревностной, безотчетной веры. Однажды он бросился прямо на строй аркебузирова, вслух читая псалмы, – и все пули прошли мимо. Он стоял в строю с братьями – и ни разу в них не попали ядра. За те десять лет, что Петер провел среди братьев-ландскнехтов, он не получил ни одной раны.

Капеллан закончил свое невнятное бормотание, в которое, похоже, и сам не верил, и взял облатку. Первый же ландскнехт, вышедший к нему из строя для причастия, крепким ударом справа отправил священника наземь. Затем пнул пару раз под дых, втоптал облатки в грязь и, подзуживаемый другими братьями, извлек на свет Божий те части, что отличали мужчину от женщины, чтобы под вселенский хохот и свист оросить капеллана. Тот, скорчившись от боли и унижения, хотел отползти, но получались у него только вялые, беспомощные подергивания.

Хауптман не вмешивался. Видимо, посчитал, что развеселившиеся ландскнехты будут воевать лучше недовольных.

– Пусть Апостол скажет! Апостола, Апостола перед строем! – один за другим загалдели братья.

Петер медленно подошел к брустверу, и ландскнехты тут же затихли, принимая сосредоточенный вид. Кое-кто даже посчитал нужным перекреститься. Петер прекрасно понимал, что служил для них талисманом, ходячим амулетом, живым щитом от шальных снарядов. Они говорили, что верят не в Бога, а в него, Апостола, так же, как верят в рубашку из крапивы, сотканную девственницей накануне Рождества. Но Петер был рад и этому, потому что любая искренняя вера, даже такая, лучше заумного высокопарного безверия.

Сотня посерьезневших бородатых лиц, не отрываясь, смотрела на него, сохраняя полное молчание.

– Благодать и мир вам да умножится в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего!

Апостол, встав в полный рост, поднял обе руки к небу, и потерянный отряд, как один человек, опустился на колени. Хауптман, трабанты и грабежмейстер присоединились.

– Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!»

Кто-то воздел очи горе, другие склонились, опустив лица в грязь, третьи смотрели перед собой, но ничего не видели, беззвучно повторяя слова псалма. Летнее солнце уже оторвалось от края земли и пустилось в вечное путешествие по небосклону. Апостол, возглашавший молитву, был весь окутан его сиянием.

– За то, что он возлюбил Меня, избавлю его; защищу его, потому что он познал имя Мое. БУХ!

За спиной впервые за день ухнула пушка, свистнуло ядро, и в следующий миг Петера Кирха по прозвищу Апостол разорвало на части, обдав первые шеренги молящихся кровью и плотью их талисмана.

На стене замка два скелета, потрясая шомполом и запалом, радостно запрыгали вокруг орудия, как дети вокруг майского дерева.

* * *

Подкоп сработал на редкость удачно – от взрыва рухнула часть стены, загорелись какие-то сараи, а густой черный дым заволок все поле боя. Теперь никаких ублюдочных арбалетов! Никаких сволочных аркебуз! Пришло время поговорить сталь на сталь, а в таких разговорах Ульрих знал толк. И сталь у него в руках была замечательной.

Первый же встреченный защитник замка, выскочивший из дыма, словно призрак, уяснил это обстоятельство, толком не успев поднять топор. Ульрих, по привычке выбравший оборонительную стойку «плуг», ткнул острием в лицо, и противник – дурак! – отшатнулся назад, давая наемнику время для замаха. Шаг вперед, удар в шею – и первый враг падает наземь, фонтанируя кровью из перерубленной артерии.

«Хо-хо! Славное начало!»

Апостола жалко, конечно, но все братья, видевшие его смерть, буквально озверели и бросились на штурм без приказа. Многие из тех, на кого не попала кровь ландскнехта, взяли кусочек его тела с собой.

Из дыма показались сразу двое, и ближайший вдруг рухнул, получив пулю в лоб. Вот свезло так свезло! Тут же не прицелишься, стрелок наугад бил.

Второй противник, споткнувшись о тело товарища, качнулся вперед и едва не напоролся на заботливо подставленный меч Ульриха, но сумел удержать клинок в руках и плавно отвести волнистое лезвие.

Мастер длинного меча едва не ошибся. Оказавшийся слишком близко к врагу – в неудобной позиции, к тому же левосторонней, когда руки хочешь не хочешь надо перекрещивать, Ульрих не успел бы ударить на опережение. Но мог кое-что другое – длинный шаг в сторону с одновременной сменой хвата на полумеч. Взявшись левой рукой за лезвие, он поймал удар и, прилипнув клинком к клинку, отвел смерть в сторону, тем же движением посылая массивную рукоять своего меча в голову. Навершие крепко звякнуло о шлем, оглушенный противник пошатнулся, а Ульрих, не меняя чрезмерно широкого хвата, коротко резанул по животу, броней не прикрытому. Враг завизжал, вертясь на земле, и Ульрих его окончательно утихомирил.

«Даже меч тупить жалко. Режешь их, как овец!»

Прошло то время, когда он торговал отцовскими булками, дрался на палках каждый вечер и, прикармливая мелочь, копил на очередной урок у федерфехтера или мастера из братства святого Марка²⁷. Теперь он сам дает уроки, кому захочет.

Ульрих, получив короткую передышку, покрутил головой, пытаясь оценить ситуацию на поле боя. Пороховой дым, резавший глаза до слез и вызывавший першение в горле, и не думал рассеиваться. Никого из братьев рядом видно не было, что и понятно: случайно отхватить от ульрихового фламберга никто не спешил.

Пролом он уже проскочил, здесь уже просторный замковый двор. Еще немного, и все закончится. Сейчас подтянутся оставшиеся пехотинцы и начнется зачистка внутренних помещений. Тогда фламберг надо будет отложить, но сейчас...

К Ульриху шел воин в латном доспехе. Решительный шаг буквально разрывал черную пелену, заставляя ее обрывки закручиваться водоворотами у вычурных черных пластин с профилированными желобками.

Доспех был старым, из тех, что лет сто назад любили делать на родине Ульриха, зато полным, а шлем – с глухим забралом. Воин лязгал железом, шагая по утоптанной земле замкового двора. Сам Ульрих столько брони в бою носить не любил, обходясь кирасой с налядвенниками, перчатками и шлемом без забрала. Но сейчас в руки сама шагала уйма денег! Оставалось всего ничего – вытряхнуть из них владельца.

Тот уже вскидывал свой двуручный меч в красивом приветственном салюте. Ульрих ответил подобающим образом – хлестнул чересчур вежливому по передней ноге. Кончик волнистого лезвия летел точно в то место, где была щель в смыкавшихся пластинах, и нога была загружена, но враг ловко перенес вес на заднюю ногу и тут же отскочил, увеличивая дистанцию.

«Прыткий!»

Ульрих атаковал, не давая врагу восстановить равновесие. Клинок, уже набравший скорость, с гудением разрезал воздух, устремляясь к стыку шлема и горжета.

Кланг-кланг-клллинг. Три шага – три удара. Быстро, быстрее, быстрее быстрого. Каждый раз Ульрих использовал силу соударения, посылая меч то слева, то справа.

Неизвестный воин сделал это лучше и быстрее. Он, твердо отшагивая, не только успел дважды попасть в центр тяжести Ульрихова клинка, выставляя блок точно в срок, но и поймал третий удар Ульриха на стык лезвия и фальшгарды. Переложив руку на ту часть клинка, что была замотана кожей, и используя расширенный хват, он начал проворачивать сцепленное оружие, вырывая меч из рук баварского фехтовальщика. Лезвие начало ощутимо выгибаться, в кистях и предплечьях заломило, но Ульрих в последний момент все-таки успел выдернуть свой меч, разрывая дистанцию и вставая в «плуг».

Клинки разошлись с протяжным металлическим скрежетом.

«Хорош!»

Противник очутился в боковом замахе, удобном для контратаки, но сейчас было слишком далеко для ответного удара. И все же неизвестный латник, отпустив одну руку, послал свой меч вперед, разгоняя его поворотом корпуса и бедер.

«Одной рукой, сукин ты сын?!»

Не решившись блокировать, Ульрих присел в низкой стойке, пропуская над головой шелестящую смерть. Сила удара была такой, что противника должно было, как минимум, развернуть, но тот, будто заранее зная, что промахнется, уже укладывал меч на правом плече острием вперед, замирая в стойке «быка».

«Да кто он вообще такой?!»

²⁷ Речь идет о братствах фехтовальщиков, за деньги обучавших бою.

Этот воин один на один зарубил бы любого из братьев в их лагере, большая часть которых только и могла, что тыкать палкой вперед. Во вражеский строй – длинной, в обозных шлюх – короткой. Но сейчас латник точно ошибся со стойкой.

Из «быка» можно рубить, но потребуется время для разворота меча и замаха. Гораздо удобнее колоть, но удар будет предсказуемым. Противник выбрал укол.

«Все, попался!»

Ульрих знал, что глухой шлем с маленькими прорезями сильно ограничивает обзор по бокам, а от укола в лицо он настолько привык уходить, что смог бы это сделать хоть на руках. Против строя пикинеров без этого навыка мечник долго не живет. А Ульрих планировал жить долго.

Шаг вперед и влево, уход от укола. Клинок привычно лег на правое плечо, сливая вражеское лезвие в сторону, описал дугу, поднимаясь для неотвратимого удара, и полетел точно в голову, как десятки раз до этого.

Но Ульрих не попал. Латник непостижимым образом сместился.

«Как?! Когда?!»

Отшатнувшись на два шага назад, мастер братства святого Марка почувствовал, что в правой подмышке стало мокро, а потом внезапно выронил меч. Пришла резкая боль, а латник уже бил Ульриха под колено, надрезая связки.

Мастер длинного меча упал, хотел откатиться в сторону, но был проткнут мощным ударом сверху, пригвоздившим его к земле. Противник налег на клинок, провернул его и резко выдернул, подхватив одной рукой под гарду. Вычурный меч с фальшгардой взлетел рукоятью вверх, словно окровавленный крест.

«Славный бой! – подумал Ульрих, глядевший на клубы дыма, заслонявшие небо. – Лучше я бы не сумел...»

Последнее, что наемник увидел в этой жизни, – оскаленный череп, улыбающийся ему из-под откинутого забрала.

* * *

«Очень кстати», – подумал Эмих, прячась в клубах плотного дыма, который не поднимался столбом в проломе, а медленно расплзался по склону.

В черном тумане то и дело мелькали тела сражающихся, но кто берет верх – штурмующие или защитники, ландскнехт пока понять не мог. Слышались крики и проклятия, звенела сталь, сухо потрескивали аркебузы и мушкеты, три орудия в лагере то и дело вставляли свое веское слово в общий хаос, что творился у пролома. Скоро должны были подтянуться резервы осаждающих, и вот тогда, в гуще тех, кто хочет найти и припрятать что-нибудь маленькое и ценное до общего дележа добычи, в замок войдет и он.

Вообще-то Эмих должен был сейчас быть впереди, вместе с другими братьями из потерянного отряда, но с этим делом вполне можно было подождать. Пускай Ульрих там машет своей оглоблей! Для него грохнуть кого-нибудь – самая большая радость в жизни. А вот Эмих сражениям совершенно не радовался: теснота, вонь, грязь, кровища, да еще и убить могут, не приведи Бог!

Одно дело в поле. Стоишь себе в задних шеренгах и просто давишь в спину впереди стоящим для пушного натиска. Такое дело большого ума не требует, и риск минимальный – все пули и удары соберут на себя бронированные первые шеренги. Конечно, квадрат пехоты могли накрыть ядрами, но от этой напасти у них в отряде есть заговоренный Апостол. Точнее был, мир его ошметкам!

Совсем другое дело штурм, где каждый сам за себя и от шального выстрела, случайного камня, брошенного со стены, или хитрой замковой ловушки тебя защищают только собствен-

ная сноровка и везение. Слишком невелики шансы на выигрыш, чтобы так рисковать, а рисковать Эмих Альтшулер совершенно не любил. Он любил выигрывать.

Третий сын городского писаря, отосланный во Франконию, в школу при монастыре святого Бонифация в Фульде, очень рано понял, как устроена жизнь. Монахи ежедневно напились вусмерть, развратничали где и с кем попало и частенько забывали кормить своих воспитанников, которые, дабы не умереть с голоду, сбивались в ватаги и по ночам грабили крестьян из ближайших деревень. Эмиху, которому по малолетству и худобе доставалась одна из самых опасных ролей – залезать в окна и протискиваться в щели, чтобы открыть другим путь в погреба и амбары, не раз и не два приходила в голову мысль поживиться в самой обители, но кладовые монастыря охранялись так же хорошо, как и сокровищница, и проникнуть туда за все годы учения так никому и не удалось. На счастье, Эмих узнал, что келарь имел привычку по ночам играть в карты и кости с паломниками и послушниками. Молодой Альтшулер, быстро смекнувший, что получить вилами в бок куда неприятнее, чем проиграть несколько медяков, очень быстро овладел тонкостями нового ремесла, уступив другим воспитанникам сомнительное право лазить по крестьянским усадьбам. Он кропотливо изучал, как устроены разные игры, учился считать шансы, присматривался к соперникам, выясняя их характер, привычки и манеру игры, и жил хоть и не припеваючи, но в целом без лишений, а главное, без всякого ненужного риска. Жизнь шла как по маслу, пока не настал судный день: монастырь разграбили восставшие крестьяне. Монахи с учениками большей частью разбежались, но Эмих вернулся. Пламя бушевало и в родной Швабии, и во Франконию, так что пожар благоразумнее было переждать. Времена были трудными, потому что играть стало не с кем и не на что. Еды было мало, но кое-какие запасы уцелели, так что зиму пережить удалось. По весне монастырь разграбили еще раз, и Эмих всерьез засомневался, надо ли терпеть эти лишения ради сомнительной возможности ночевать под крышей, а не в лесу, и еще более сомнительного Божественного попечения, про которое выжившие монахи заливали оставшимся воспитанникам по тридцать раз на дню. Наконец, когда новая свора мародеров заявила в обитель в третий раз, Эмих, прикинув шансы на выживание, присоединился к грабившим. Он ведь любил выигрывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.